

5. Выражающія реакціи.

а) Ихъ происхождение и значеніе.

Всякая психическая реакція, если она достигаетъ стадіи доступнаго человѣческимъ чувствамъ внѣшняго движенія, можетъ вызвать подражаніе себѣ. Лицо подражающее переживаетъ, въ большей или меньшей степени, то психическое состояніе, внѣшнія проявленія котораго воспринимаетъ при помощи своихъ внѣшнихъ чувствъ, — переживаетъ по меньшей мѣрѣ представленіе и стремленіе, сходныя съ тѣми, какія входятъ въ составъ реакціи, ставшей предметомъ подражанія. Въ этомъ временномъ и частичномъ уподобленіи психики одной особи психикѣ другой заключается сущность подражанія, при чемъ безразлично, полное оно или неполное, воспроизводится ли подражающимъ самое дѣйствіе, которое онъ наблюдаетъ, или только соотвѣтственное стремленіе.

Слѣдовательно, здѣсь внѣшняя реакція выступаетъ, какъ способъ передачи психическаго состоянія отъ одной особи другимъ, или, что то же, какъ средство выраженія.

„Выражать“ — это въ конечномъ счетѣ означаетъ всегда то же самое, что „вызывать подражаніе“. Если дѣйствія чловѣка выражаютъ для насъ его психическое состояніе, это значитъ, что мы представляемъ себѣ его психическое состояніе, стало быть — въ той или иной степени воспроизводимъ его въ себѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ всякая двигательная реакція является „выражающей“, поскольку она можетъ служить исходной точкой реакціи подражанія (и этимъ путемъ распространяться съ одной психики на другую). Терминомъ „выражающая“ обозначается, слѣдовательно только отношеніе данной реакціи къ психикѣ другихъ особей.

По отношенію это обнаруживается въ различныхъ случаяхъ далеко не въ одинаковой степени, и занимаетъ далеко не одинаковое мѣсто въ біологической роли реакціи. Въ иныхъ случаяхъ оно имѣетъ лишь весьма второ-

¹⁾ Но если дѣйствіе не становится объектомъ подражанія, потому что нѣтъ чловѣка, который бы наблюдалъ? Тогда, собственно, нѣтъ и выражающей реакціи — «выражать» можно лишь для кого-нибудь. Однако, и тогда можно условно говорить, что дѣйствіе нѣчто выражаетъ; только при этомъ всегда подразумевается возможный, представляемый наблюдатель, для котораго дѣйствіе было бы выражающей реакціей. Наконецъ, въ роли такого наблюдателя всегда въ большей или меньшей степени выступаетъ самъ выражающій, какъ это всякій знаетъ изъ своего личнаго опыта.

степенное значеніе; въ другихъ рѣшительно выступаетъ на первый планъ.— Положимъ, человѣкъ колетъ дрова, и у насъ при взглядѣ на него невольно является слабое стремленіе подражать его дѣйствіямъ: очевидно, здѣсь значеніе реакціи, какъ выражающей, совершенно ничтожно по сравненію съ ея прямымъ значеніемъ, какъ трудовой дѣятельности вообще. Но беремъ другой случай: человѣкъ, испугавшись, вскрикнулъ; а другой, еще не видя опасности, хватается оружіе и бѣжитъ къ нему на помощь: здѣсь біологическое значеніе реакціи первого заключается главнымъ образомъ именно въ выраженіи его психического состоянія.

Насколько велика полезность психическихъ реакцій, какъ формъ выраженія, это мы отчасти уже выяснили, когда дѣло шло о значеніи подражанія. Въ массѣ случаевъ для самой выражающей особи полезность эта является косвенной, непрямой,—но и тогда она можетъ быть очень значительной. Какая-нибудь ничтожная сама по себѣ реакція выраженія нерѣдко ведетъ не только къ полному подражанію тѣмъ дѣйствіямъ, которыя неполно въ ней представлены, но и къ цѣлому ряду дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя ассоціированы съ первыми въ психикѣ подражающей, хотя, можетъ быть, и совсѣмъ не ассоціированы съ ними въ психикѣ выражающей ¹⁾).

Реакціи, которыя являются выражающими по преимуществу, отличаются отъ другихъ не только своимъ жизненнымъ значеніемъ, но до нѣкоторой степени также происхожденіемъ.

Почти всякая психическая реакція, если она проявляется внѣшними движеніями, захватываетъ множество мускульныхъ элементовъ—гораздо большее число ихъ, чѣмъ можетъ констатировать прямое наблюденіе. Если принять во вниманіе величайшую связность психической жизни, то не покажется страннымъ, что въ массѣ случаевъ двигательная реакція затрагиваетъ, въ различной, конечно, степени, самыя различныя области мускульной иннерваціи, измѣняетъ тонусъ самыхъ различныхъ мышцъ—хотя бы это и не было нужно для непосредственнаго приспособленія къ условіямъ.

Во всякомъ случаѣ, каждое цѣлесообразное движеніе сопровождается, какъ было уже раньше указано, цѣлымъ рядомъ непосредственно-излишнихъ „сочувственныхъ“ движеній. Движенія эти по большей части бываютъ сравнительно слабыя—но не всегда. Необходимость ихъ возникаетъ изъ „иррадіаціи“ нервного возбужденія въ психической системѣ, изъ неизбежной

¹⁾ Именно на такомъ типѣ „подражанія“ основано разграниченіе роли организаторской и исполнительской, и, болѣе частнымъ образомъ, отношенія господства и подчиненія.

его передачи по ассоціативнымъ путямъ отъ элементовъ, играющихъ главную роль въ реакціи, ко многимъ другимъ.

Если разсматривать отдѣльную психику внѣ ея связи съ другими, то сочувственныя движенія придется считать за совершенно непроизводительную растрату иннерваціонной энергіи. Выгода организма требуетъ, съ этой точки зрѣнія, возможно большаго ограниченія сочувственныхъ реакцій; подборъ долженъ устранять ихъ въ процессѣ развитія. Это, какъ мы видѣли, и наблюдается по мѣрѣ перехода пластичныхъ реакцій въ привычныя и дальнѣйшаго совершенствованія этихъ послѣднихъ.

Но не совсѣмъ такъ обстоитъ дѣло въ совмѣстной жизни людей. Именно на счетъ нѣкоторыхъ видовъ сочувственныхъ движеній шло, главнымъ образомъ (хотя не исключительно), развитіе формъ выраженія.

Процессъ подбора направленъ къ выработкѣ такихъ приспособленій, которыя достигали бы наибольшихъ результатовъ относительно наименьшими затратами энергіи. Поэтому, если сочувственныя движенія, будучи вообще неизбѣжны въ силу основного устройства психики, являлись въ то же время не посредственно бесполезными, то вполне естественно, что подборъ иначе воспользовался ими. Онъ приспособилъ очень многія изъ нихъ для спеціальной роли выражающихъ реакцій; и при томъ опять-таки избралъ и особенно развилъ въ эту сторону именно тѣ изъ нихъ, которыя могли выполнить свое назначеніе съ наибольшей экономіей въ затратахъ энергіи.

Замѣтимъ, что сокращенія различныхъ мускуловъ при одинаковой величинѣ внѣшняго эффекта, доступнаго наблюденію, стоятъ психикѣ далеко не одинаковыхъ затратъ иннерваціонной энергіи. Нервное волокно — не абсолютный проводникъ нервнаго тока, а проводникъ съ сопротивленіемъ; энергія иннерваціи должна частью разсѣиваться по пути къ мускуламъ. Эта потеря иннерваціи на „вредное сопротивленіе“, конечно, тѣмъ болѣе, чѣмъ длиннѣе путь возбужденія по проводнику. Такимъ образомъ, во-1), далеко не всегда является мускульное сокращеніе тамъ, гдѣ есть иннервація: количество иннерваціонной энергіи, достигающее мускульнаго волокна, зачастую оказывается недостаточнымъ, чтобы вызвать въ немъ соотвѣтственный кризисъ молекулярныхъ отношеній. Во-2), при данной величинѣ центральной иннерваціи эффектъ сокращенія будетъ, очевидно, наибольшимъ для тѣхъ мускуловъ, которые лежатъ всего ближе къ центрамъ и получаютъ иннервацію съ наименьшими потерями.

Предположимъ, что нервное возбужденіе, порождающее опредѣленную психическую реакцію, изъ спеціальныхъ центровъ этой реакціи распространяется, „пррадируетъ“ по побочнымъ путямъ къ другимъ нервнымъ

элементамъ; предположимъ, что иррадіація приблизительно равномерно направляется во всѣ стороны центрального аппарата. Въ такомъ случаѣ скорѣе всего внѣшній эффектъ побочнаго возбужденія долженъ обнаружиться въ мускулахъ, ближайшихъ къ двигательнымъ центрамъ. Дѣйствительно, наибольшее количество сочувственныхъ движеній, какъ у животныхъ, такъ и особенно у человѣка, наблюдается въ мускулахъ лица, полости рта, гортани, и т. д.

Именно эти мускулы служатъ по преимуществу орудіемъ выражающихъ реакцій—мимики, рѣчи. По преимуществу—но, разумѣется, не исключительно: мускулы рукъ, напр., также играютъ немалую роль въ дѣлѣ выраженія психическихъ состояній, да и всѣ прочіе не лишены такой функціи.

Съ возрастаніемъ біологической важности формъ выраженія, указанные спеціальныя группы мускуловъ достигли, особенно у человѣка, чрезвычайно высокой степени развитія, поразительно тонкаго дифференцированія. Конечно, при различныхъ условіяхъ, напр., у различныхъ расъ, въ различные періоды исторической жизни, формы и степень этого развитія далеко не одинаковы.

Таково, въ общихъ чертахъ, происхожденіе наиболее интересной, съ точки зрѣнія нашей задачи, группы выражающихъ реакцій.

Здѣсь наблюдается явленіе, чрезвычайно важное для изслѣдованія основныхъ понятій біологіи. Никакое развитіе не является безусловнымъ, никакая приспособленность не бываетъ полною. Но и то, что было бесполезно, и даже вредно въ жизни чисто индивидуальной, процессъ подбора обратилъ на пользу высшихъ формъ жизни—вида и общества. Индивидуальная неприспособленность стала матеріаломъ коллективнаго приспособленія. Относительность понятія „формъ жизни“ уничтожаетъ всякую рѣзкую границу между развитіемъ и деградацией; то и другое оказывается условнымъ. Такія двойственныя явленія не рѣдкость въ природѣ: это едва ли не общій способъ развитія формъ жизни.

б) Типы выражающихъ реакцій.

Для начала всего удобнѣе группировать выражающія реакціи по способамъ ихъ воспріятія, значить—по органамъ внѣшнихъ чувствъ, при посредствѣ которыхъ реакція одной психики передается другимъ.

Тутъ можно наметить три типа. Однѣ формы выраженія доступны „общему чувству“ у низшихъ организмовъ, и ближайшимъ его видоизмѣнені-

ямъ—осязанію и мускульному чувству—у высшихъ организмовъ. Другія выражающія реакціи воспринимаются путемъ зрѣнія. Третьи находятся въ связи съ чувствомъ слуха.

Обстоятельно прослѣживать генезисъ всѣхъ трехъ типовъ въ ихъ взаимной связи было бы дѣломъ труднымъ,— да оно и не существенно для нашей задачи. Поэтому мы должны ограничиться самыми общими указаніями.

Начало всѣхъ выражающихъ реакцій лежитъ, какъ извѣстно, тамъ, гдѣ вообще начинается связь между организмами въ борьбѣ за жизнь,— прежде всего въ сферѣ половыхъ отношеній, а затѣмъ въ сферѣ отношеній родителей къ ихъ потомству.

Такъ какъ подобныя отношенія возникаютъ уже на тѣхъ ступеняхъ жизни, гдѣ высшія чувства—зрѣніе и слухъ—еще не дифференцировались изъ общаго чувства, то а priori можно сообразить, что исторически первичными являются выражающія реакціи, воспринимаемыя при помощи общаго чувства. Если бы позволительно было такъ далеко заходить въ аналогіяхъ, то нетрудно было бы представить себѣ участіе подобныхъ формъ выраженія въ „половыхъ отношеніяхъ“ бесполоыхъ клѣтокъ—въ явленіяхъ конъюгаціи (и копуляціи): стремленіе къ конъюгаціи, обнаруженное въ движеніяхъ одной клѣтки, и воспринятое другою въ ихъ взаимномъ прикосновеніи, можетъ быть, пробуждаетъ въ ней аналогичное стремленіе.

Во всякомъ случаѣ, первая группа выражающихъ реакцій достигаетъ у высшихъ беспозвоночныхъ весьма значительнаго развитія. У муравьевъ, напр., умѣнье „разговаривать“ при помощи взаимнаго прикосновенія сяжекъ стоитъ, повидимому, не ниже, чѣмъ у пныхъ дикихъ человѣческихъ племенъ способность вокальной рѣчи. Напротивъ, у высшихъ позвоночныхъ развитіе пошло инымъ путемъ: выражающія реакціи прикосновенія играютъ, напр., у человѣка сравнительно небольшую роль. Сюда относятся различныя ласкающія движенія въ сферѣ половыхъ отношеній, отношеній родителей и дѣтей, а также тѣхъ, почти первобытно стадныхъ отношеній, какія наблюдаются между маленькими дѣтьми. Впрочемъ, и въ высшихъ формахъ взаимной связи людей такія выражающія реакціи, какъ поцѣлуй и рукопожатіе, имѣютъ, безспорно, немалое значеніе.

Въ другую группу мы отнесли тѣ выражающія реакціи, которыя воспринимаются зрѣніемъ. Вмѣстѣ съ предыдущей группой ихъ обыкновенно соединяютъ подъ общимъ названіемъ „мимики“. Сюда относятся самыя различныя тѣлодвиженія, способныя выражать психическое состояніе особи: частью ритмическія, частью неправильныя движенія многихъ птицъ и млекопитающихъ въ играхъ и пляскахъ; игра фizioноміи, энергичная, но гру-

бая у низшихъ расъ и у дѣтей, тонкая и сложная у людей психически развитыхъ; выразительные жесты рукъ у человѣка, и т. д... У глухонѣмыхъ такія формы мимики доводятся—правда, искусственно—до степени разговорной рѣчи; у нѣкоторыхъ низшихъ племенъ онѣ вообще необходимы для дополненія вокальной рѣчи, которая слишкомъ мало развита; благодаря этому, напр., бушмены нерѣдко, по словамъ путешественниковъ, оказываются не въ состояніи достаточно понимать другъ друга въ ночной темнотѣ. Связь всей этой группы реакцій со сравнительно высокимъ развитіемъ психики видна уже изъ того, что онѣ предполагаютъ довольно совершенный зрительный аппаратъ.

Третью группу составляютъ вокальные, звуковыя формы выраженія: крикъ, пѣніе у очень многихъ животныхъ, членораздѣльная рѣчь—отчасти, можетъ быть, и у нѣкоторыхъ другихъ высшихъ животныхъ, но специально—у человѣка. Аппаратомъ для нихъ у позвоночныхъ служатъ обыкновенно специальные придатки дыхательныхъ органовъ, у человѣка—чрезвычайно сложный мускульный аппаратъ гортани, полости зѣва и рта. Высокая степень дифференцированія этого аппарата у человѣка определяется, конечно, высотой развитія его специальныхъ функций.

Уже вторая группа формъ выраженія, та, которая основана на зрительномъ воспріятіи, имѣетъ громадныя преимущества передъ первой, связанной съ общимъ чувствомъ: большую тонкость различенія, и особенно—возможность передачи психическихъ состояній безъ прямого соприкосновенія организмовъ, даже на довольно большомъ разстояніи. Но реакціи вокальныя стоятъ, въ общемъ, не ниже зрительныхъ по возможности тонкаго различенія, и еще выше ихъ по условіямъ передачи: здѣсь внѣшняя среда не имѣетъ такого вліянія на общеніе психическихъ системъ, потому что звуковыя волны распространяются гораздо свободнѣе свѣтовыхъ, для первыхъ непрозрачныя тѣла встрѣчаются гораздо рѣже, и прямолинейность распространенія играетъ гораздо меньшую роль.—Именно поэтому вокальныя реакціи оказались способны къ такому грандіозному развитію, какое наблюдается въ различныхъ языкахъ современнаго человѣчества.

Отъ предварительной, обще-біологической группировки формъ выраженія мы перейдемъ теперь къ той, которою всего удобнѣе пользоваться въ области специально-человѣческихъ формъ жизни. Такъ какъ здѣсь выражающія реакціи получили весьма своеобразное развитіе, для котораго въ остальномъ животномъ мірѣ имѣются лишь зародыши и слабыя аналоги, то первой группировки здѣсь недостаточно. Мы прибѣгнемъ поэтому къ сложившейся, общепринятой классификаціи, которая хотя довольно безпринципна съ логи-

ческой стороны, но имѣть за себя серьезныя историческія основанія. Мимика, рѣчь, искусство—таковы основныя подраздѣленія этой классификаціи.

Намъ нѣтъ, конечно, надобности доказывать, что искусство относится къ области формъ выраженія: вѣдь его общественное содержаніе сводится именно къ передачѣ опредѣленныхъ (эстетическихъ) состояній психики отъ однихъ людей другимъ. Но если искусство, какъ группа выражающихъ реакцій, выступаетъ рядомъ съ мимикой и рѣчью, то самъ собою возникаетъ вопросъ о связи происхожденія всѣхъ этихъ формъ.

Общій генезисъ мимики и рѣчи не нуждается въ поясненіяхъ—вещь и достаточно понятная, и достаточно извѣстная. Но не подлежитъ сомнѣнію также и первоначальное тожество или, по крайней мѣрѣ, нераздѣльность этихъ приспособленій съ эмбрионами искусства: частью біологія, частью исторія культуры въ достаточной мѣрѣ устанавливаютъ такую нераздѣльность.

Отъ мимики непосредственно ведутъ начало танцы, менѣе непосредственнымъ образомъ—живопись, скульптура, архитектура. Происхожденіе живописи легко связать съ мимическими движеніями, подражающими контурамъ предметовъ, которые человѣкъ видитъ или о которыхъ говоритъ; скульптура отдѣлилась отъ живописи (промежуточная форма—рельефная живопись); архитектура находится въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ той и другою и также представляетъ въ своихъ основныя формахъ подражаніе различнымъ предметамъ вѣншей природы ¹⁾.

Пѣніе, рѣчь и поэзія составляютъ другую, первоначально нераздѣльную группу формъ выраженія. Къ этой группѣ примыкаетъ по своему происхожденію, вѣроятно, и музыка, которая въ то же время стоитъ въ тѣсной связи съ танцами и мимикой въ выработкѣ ритма мелодій. Пѣніе, рѣчь и поэзія дифференцировались одна отъ другой въ сравнительно позднее время, можно сказать—на глазахъ исторіи, особенно—рѣчь и поэзія. Объ этомъ напоминаютъ долго сохранявшіеся остатки въ различныхъ языкахъ, напр., употребленіе одного и того же слова для обозначенія и рѣчи вообще, и всякаго повѣствованія, и эпической поэзіи въ частности („ἔπος“, древне-русское „слово“ . . .). Да и въ настоящее время о томъ же свидѣлствуютъ языки

¹⁾ Архитектура въ своемъ развитіи должна была подчиняться требованіямъ жизненныхъ удобствъ и экономіи труда въ постройкѣ зданій, притомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени; въ этомъ смыслѣ она уже выходитъ изъ области „формъ выраженія“. Но это, конечно, ничего не измѣняетъ въ томъ, что говорится объ ней, какъ собственно объ искусствѣ.

многихъ племенъ не высокой культуры: рѣчь здѣсь нерѣдко очень поэтична съ нашей точки зрѣнія, но это потому, что она—почти еще сама поэзія; выраженія образны, потому что нѣтъ еще отвлеченныхъ; они символичны, потому что еще не выработалось выраженій точныхъ, строго соответствующихъ опредѣленнымъ представленіямъ, и уже небольшое сходство воспріятій достаточно для примѣненія однихъ и тѣхъ же словъ.

Искусство письма происхожденія, какъ извѣстно, позднѣйшаго. Хотя оно съ технической стороны происходитъ отъ живописи (черезъ гіероглифы), но почти совсѣмъ не есть искусство въ эстетическомъ смыслѣ, и по своему общественному значенію стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ устной рѣчью. Такимъ образомъ это—синтетическая форма выраженія, соединяющая двѣ нити развитія, которыя раньше разошлись отъ общаго корня.

Для занимающаго насъ вопроса существенное значеніе представляетъ, собственно, только одна группа выражающихъ реакцій—формы рѣчи. Приведенныя же, очень краткія замѣчанія о другихъ формахъ служатъ только для того, чтобы дать понятіе о біологическихъ связяхъ этой группы ¹⁾.

с) Выражаемое и формы выраженія.

Непосредственнымъ предметомъ подражанія является внѣшняя сторона психической реакціи, мускульныя движенія, которыя, собственно, и составляютъ форму выраженія. Но, какъ мы видѣли, актъ подражанія не сводится только къ повторенію внѣшней реакціи.

Если у обезьянъ-капуциновъ опредѣленный крикъ ассоціированъ съ представленіемъ объ ихъ кормленіи, то когда одна обезьяна издаетъ этотъ крикъ, увидѣвъ, положимъ, сторожа съ пищею, другія обезьяны не только повторяютъ или испытываютъ стремленіе повторить этотъ крикъ, но вмѣстѣ

¹⁾ Отметимъ еще одну сторону этихъ біологическихъ связей: приблизительно изъ того же матеріала сочувственныхъ движеній, изъ котораго сложились выражающія реакціи, въ тѣсной связи съ этими послѣдними, возникли нѣкоторыя своеобразныя формы прямой борьбы—приемы устрашенія. У многихъ животныхъ, да и у человѣка тоже, громкій крикъ служитъ средствомъ испугать врага; для той же цѣли служатъ разныя угрожающія движенія, между прочимъ, топорщенье перьевъ у птицъ, вздергиванье шерсти у млекопитающихъ: при этомъ тѣло животного кажется больше и страшнѣе. Въ португальскихъ войскахъ существовала раньше команда: „На непріятеля смотри зѣвотой!“—и по этой командѣ солдаты должны были изображать на своихъ физиономіяхъ величайшую свирѣпость по отношенію къ врагамъ.—Такъ природа пользуется иногда однимъ и тѣмъ же матеріаломъ и для того, чтобы создавать формы совѣстности, и для того, чтобы создавать формы прямого противорѣчія въ жизненной борьбѣ.

съ тѣмъ немедленно представляютъ себѣ обычный процессъ кормленія. Если въ данной группѣ людей со словомъ „врагъ“ соединяется представленіе объ опредѣленнаго рода опасности, то достаточно одному изъ нихъ произнести это слово, чтобы у другихъ, вмѣстѣ со стремленіемъ воспроизвести это слово, выступило соотвѣтственное представленіе объ опасности, угрожающей со стороны чужого человѣка. Вообще, если у того лица, которое наблюдаетъ выражающую реакцію, она ассоціирована съ такими же внутренними, неполными реакціями (актами сознанія), какъ у лица ее выполняющего, то вмѣстѣ съ полнымъ или неполнымъ подражаніемъ этой виѣшней реакціи, въ психикѣ перваго возникаютъ и соотвѣтственныя внутреннія, ассоціированныя реакціи—акты сознанія. Тѣ представленія, тѣ стремленія, которыя передаются такимъ путемъ въ силу своей связи съ опредѣленной выражающей реакціей, составляютъ то, что выражается ею—такъ сказать, ея содержаніе.

Чтобы форма выраженія дѣйствительно нѣчто выражала, для этого, стало быть, требуется существованіе въ различныхъ психикахъ сходныхъ ассоціацій между виѣшними дѣйствіями и фактами сознанія. Такое соотношеніе въ строеніи психическихъ системъ возникаетъ двумя способами. Въ однихъ случаяхъ, оно является непосредственно, какъ результатъ фактического сходства особей: одна обезьяна, увидѣвъ пищу, реагируетъ на это воспріятіе опредѣленнымъ крикомъ, и другая, совершенно независимо отъ первой, въ силу однороднаго съ нею устройства нервнаго аппарата, издаетъ такой же крикъ при аналогичномъ воспріятіи; тогда онѣ сьумѣютъ при случаѣ понять другъ друга. Тутъ можно говорить о наслѣдственныхъ формахъ выраженія.—Въ другихъ случаяхъ значеніе выражающей реакціи устанавливается путемъ предыдущаго подражанія. Напр., ребенокъ часто слышитъ слово „кошка“ тогда, когда видитъ кошку; подражая, онъ и самъ привыкаетъ произносить его при такихъ обстоятельствахъ: у него складывается постоянная ассоціація между зрительнымъ образомъ животнаго и движеніями, входящими въ составъ слова „кошка“. Здѣсь дѣло идетъ о взаимномъ пониманіи особей, которое основывается на ихъ обученіи, главнымъ образомъ, разумѣется, на бессознательномъ обученіи. Этимъ вторымъ способомъ создается у людей неизмѣримо большее количество выражающихъ реакцій, чѣмъ первымъ.

Но сходство особей относительно, ихъ жизненная обстановка неодинакова, психическій матеріалъ, въ большей или меньшей степени, различенъ. Поэтому не бываетъ полнаго соотвѣтствія между тѣмъ, что выражается одной психикой, и тѣмъ, что воспроизводится другой. При значительномъ

несходствѣ особей такое несоотвѣтствіе становится даже очень велико. Лекція ученаго непонятна малообразованному слушателю, потому что у второго не хватаетъ многихъ изъ имѣющихся у перваго ассоціацій между представленіями и формами выраженія. Художественная идея артистическаго произведенія лишь весьма неполно воспринимается непривычнымъ посѣтителемъ картинной галлерей; тонкая мимика интеллигентнаго актера пропадаетъ для неразвитой части публики. Люди никогда не понимаютъ другъ друга вполне, они всегда говорятъ на различныхъ до извѣстной степени языкахъ.

Если расширяются и становятся тѣснѣе взаимныя связи особей въ ихъ совмѣстномъ трудѣ, если ихъ жизненная обстановка дѣлается все болѣе сходною, то возрастаетъ и фактическое сходство особей, и возможность ихъ дальнѣйшей взаимной ассимиляціи. Тогда формы выраженія все въ большей и большей мѣрѣ начинаютъ соотвѣтствовать своему біологическому назначенію—взаимное пониманіе особей развивается.

Основные мысли этой главы сводятся къ слѣдующему.

1. Вы р а ж а ю щ е й является всякая двигательная реакція постольку, поскольку она вызываетъ подражаніе, т. е. приводитъ къ тому, что психическое состояніе одной особи въ большей или меньшей степени воспроизводится въ другой особи.

2. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова о формѣ выраженія можно говорить тогда, когда при посредствѣ внѣшней реакціи вызывается въ психикѣ воспринимавшей опредѣленная ассоціація фактовъ сознанія, — преимущественно, представленій, — ассоціація, подобная той, кака въ данный моментъ имѣется въ психикѣ выражающей.

3. Выражающія реакціи, какъ спеціальная форма психическихъ реакцій, развиваются первоначально въ жизни видовой, затѣмъ — и главнымъ образомъ — въ общественной, развиваются отъ одного общаго начала, согласно общимъ біологическимъ и психологическимъ законамъ.

6. Формы познанія.

а) Опредѣленіе.

Выражаемое и форма выраженія неразрывно ассоціированныя между собою въ психикѣ особи — составляютъ вмѣстѣ одну психическую форму. Форма эта обнаруживаетъ свое существованіе иногда въ полной реакціи, т. е. въ

фактахъ сознанія плюсь всѣ внѣшнія движенія, ихъ выражающія, иногда въ неполной, при чемъ выражающія движенія воспроизводятся только отчасти, или же въ сознаніи выступаютъ только слѣды ихъ въ видѣ представленія о нихъ и слабого стремленія ихъ выполнить. Такія различія несущественны съ нашей точки зрѣнія; они ничего не измѣняютъ въ основномъ строеніи данной формы.

Единство и отдѣльность психической ассоціаціи, связывающей выражаемое и выражающую реакцію, образуетъ форму познанія. Такъ, представленіе о человѣкѣ плюсь слово „человѣкъ“ есть опредѣленная форма познанія. При этомъ неважно, произносится ли слово на самомъ дѣлѣ, или оно существуетъ только въ сознаніи въ видѣ двигательнаго представленія и стремленія.

Выражаемое обыкновенно является болѣе или менѣе сложной ассоціаціей образовъ и стремленій; выражающая реакція также можетъ быть очень сложна, объединяя, напр., съ комплексомъ движеній, выполняемыхъ при произнесеніи слова, слуховое представленіе этого слова, иногда также — зрительное представленіе формы его начертанія, наконецъ, стремленіе написать его... Изъ всего такого состава формы познанія каждый элементъ обладаетъ нѣкоторой отдѣльностью: онъ выступаетъ въ сознаніи среди другихъ иногда съ большей, иногда съ меньшей интенсивностью, иногда почти отсутствуетъ. Но въ силу неразрывной связи съ другими, онъ всегда является вѣстѣ съ ними, хотя бы въ видѣ ничтожныхъ, смутныхъ слѣдовъ, въ видѣ слабой тенденціи сознанія къ его воспроизведенію. Человѣкъ, напр., быстро говорить, не представляя себѣ въ видѣ отчетливыхъ образовъ того, о чемъ говорить — предметовъ или дѣйствій; но эти образы въ неясномъ, ослабленномъ видѣ все-же мелькаютъ въ его сознаніи, и лишь только оно останавливается (въ актѣ вниманія) на какомъ-либо понятіи, — соотвѣтственный образъ сразу выступаетъ съ большей опредѣленностью.

Итакъ, форма познанія есть психическое единство выражаемаго и формы выраженія. Но состояніе психики „выражается“ вполне только тогда, когда оно можетъ воспроизводиться путемъ подражанія въ другихъ психикахъ. А для этого въ другихъ психикахъ должны существовать психическія формы приблизительно одинаковаго съ первою состава. Слѣдовательно, форма познанія не есть индивидуально-психическая, но общественная: она получаетъ полную реальность не въ отдѣльной психикѣ, а во взаимномъ соотвѣтствіи отдѣльныхъ психикъ. Отсюда болѣе точное и строгое опредѣленіе формы познанія: она есть сочетаніе взаимно соотвѣтственныхъ психическихъ

формъ различныхъ особей, формъ, изъ которыхъ каждая представляетъ единство выражаемаго и выражающей реакціи.

Такимъ образомъ форму познанія нельзя разсматривать, какъ нѣчто статичное, какъ отдѣльное, устойчивое приспособленіе отдѣльной психики: формой познанія ее дѣлаетъ только процессъ психическаго общенія особей; гдѣ нѣтъ формы выраженія, тамъ нѣтъ и формы познанія.

Соотвѣтственно различнымъ видамъ выражающихъ реакцій существуютъ различные виды формъ познанія. Изъ нихъ получили наибольшее развитіе и отличаются наибольшей опредѣленностью тѣ, которыя связаны съ формами рѣчи.—На этой именно группѣ и придется намъ сосредоточить свое вниманіе.

Здѣсь основной, типической формой является понятіе. Въ индивидуальной психикѣ оно выступаетъ въ видѣ сложной психической реакціи привычнаго характера. „Выражаемое“, содержаніе понятія, сводится къ какому-нибудь привычному или обобщенному представленію, къ формѣ обобщенія ¹⁾. „Выражающее“ есть слово.

Такимъ образомъ весь составъ понятія разлагается слѣдующимъ образомъ:

а) комплексъ представленій, взаимно ассоциированныхъ, сходныхъ между собою въ большей или меньшей степени;	} „Форма обобщенія“—
содержаніе понятія.
б) господствующая надъ этимъ комплексомъ тенденція къ обособленію и возрастанію интенсивности элементовъ сходства, къ подавленію элементовъ различія объединенныхъ представленій;	
в) комплексъ двигательныхъ и иныхъ представленій, соотвѣтствующихъ слову или сочетанію словъ ²⁾ , его произнесенію (иногда—написанію) и его воспріятію внѣшними чувствами.	} „Форма выраженія“—
общественная
оболочка понятія.

Комплексъ обобщаемыхъ представленій есть матеріалъ понятія.

Обобщающая тенденція есть для этого матеріала организующій моментъ въ индивидуальной психикѣ.

¹⁾ При этомъ надо вспомнить, что привычныя представленія частнаго характера по способу образованія весьма сходны съ обобщенными; въ сущности каждое изъ нихъ есть уже обобщеніе ряда однородныхъ, конкретныхъ воспріятій (точнѣе—частныхъ представленій, соотвѣтствующихъ этимъ воспріятіямъ).

²⁾ Понятіе выражается не всегда однимъ словомъ, а очень часто—многими, особенно, когда оно очень сложно.

Слово есть моментъ организующій для совокупности индивидуальных психическихъ формъ, моментъ социальный.

Изъ этихъ трехъ элементовъ первый является наименѣ постояннымъ, наименѣ устойчивымъ. Матеріалъ понятія на каждомъ шагѣ пополняется и видоизмѣняется новыми понятіями, новыми возникающими изъ нихъ представленіями. Такъ, при каждой встрѣчѣ съ новымъ лицомъ матеріалъ понятія о человѣкѣ обогащается новымъ частнымъ представленіемъ.

Второй элементъ обладаетъ гораздо большимъ консерватизмомъ. Обыкновенно требуется довольно значительное измѣненіе въ матеріалѣ понятія, чтобы произошла замѣтная перемѣна въ комплексѣ совпадающихъ элементовъ частныхъ представленій, чтобы обобщающая тенденція захватила нѣкоторые новые элементы (которые раньше не являлись общими въ представленіяхъ, или совсѣмъ въ нихъ отсутствовали), или чтобы она оставила въ сторонѣ нѣкоторые изъ прежнихъ элементовъ (которые оказались совпадающими не во всѣхъ частныхъ представленіяхъ). Напр., у человѣка, не знающаго зоологій, въ понятіи „мыши“ обобщающая тенденція захватываетъ представленіе о сѣромъ цвѣтѣ шкурки, но не касается представленія объ устройствѣ зубовъ; когда же человѣкъ познакомился съ различными видами мышей и съ ихъ анатоміей, то для него въ составъ обобщенія уже не входитъ представленіе о сѣрой шкуркѣ, но входитъ представленіе о зубахъ, какіе бываютъ у грызуновъ.

Третій элементъ понятія—слово—есть, очевидно, наиболѣе опредѣленный, наиболѣе консервативный. Конечно, и онъ не лишенъ измѣнчивости. Однако, въ этомъ отношеніи слово настолько отстаётъ отъ другихъ элементовъ понятія, что даже у одного человѣка одно и то же слово прикрываетъ собою въ различные моменты довольно различныя формы обобщенія, откуда и происходитъ нерѣдко „путаница понятій“.

Аналогичное изложенному соотношеніе получится и въ томъ случаѣ, если разсматривать одно и то же понятіе, какимъ оно является одновременно у различныхъ особей, взаимно „понимающихъ“ другъ друга. Сравните, напр., понятіе „птицы“ у различныхъ людей. Матеріалъ понятія очень различенъ въ зависимости отъ того, кто какихъ птицъ видѣлъ и насколько изслѣдовалъ: у крестьянина-земледѣльца не такой, какъ у охотника, у охотника не такой, какъ у біолога. Обобщающая тенденція различается уже въ меньшей степени, однако различія весьма замѣтны: у одного къ элементамъ сходства всѣхъ птицъ относится способность летать, у другого—нѣтъ; у одного почти нѣтъ представленія о сходномъ устройствѣ у всѣхъ птицъ нѣкоторыхъ внутреннихъ органовъ, у другого—есть. Слово „птица“

у всѣхъ, повидимому, одно и то же; однако у неграмотнаго въ составъ этой формы выраженія входитъ гораздо меньше двигательныхъ и иныхъ элементовъ, чѣмъ у грамотнаго.

Историческую послѣдовательность развитія формъ познанія мы должны представлять себѣ такимъ образомъ. Первично является матеріальнъ понятія; за нимъ обобщающая тенденція, которая безъ него немислима; слово вырабатывается лишь въ послѣдующемъ общественно-психическомъ развитіи.

Старые учителя логики, начиная съ Аристотеля, видѣли въ понятіи только „обобщеніе“; т. е. они взяли душу понятія—обобщающую тенденцію—и представили ее статически, абсолютно, какъ будто она доведена въ психикѣ до своего мыслимаго конца. Такое опредѣленіе особенно благоприятно для игры словами вмѣсто изслѣдованія понятій: человекъ упускаетъ изъ виду неустойчивое въ понятіи, думаетъ, что понятіе въ процессѣ мышленія все время остается одно и то же, а оно то и дѣло подмѣняется другими понятіями, которыя съ нимъ не тождественны, хотя и родственны, и обозначаются тѣмъ же словомъ ¹⁾.

Путемъ ассоціаціи нѣсколькихъ понятій образуется болѣе сложная форма познанія—мысль или сужденіе (его выражающая реакція—предложеніе). Самый простой видъ сужденій есть ассоціація понятія болѣе частнаго съ болѣе общимъ, или съ нѣсколькими болѣе общими. Такъ, когда говорятъ: попугай—умная птица,—то выражаютъ этимъ ассоціацію понятія „попугай“, какъ болѣе частнаго, подчиненнаго, съ понятіемъ „птицы“ и съ понятіемъ о фактахъ быстрого психическаго приспособленія къ измѣняющимся условіямъ. Отрицательныя сужденія обыкновенно соотвѣтствуютъ формамъ различенія; такъ, когда говорятъ: летучая мышь—не птица,—то это означаетъ, что совершающееся въ психикѣ говорящаго сопоставленіе образовъ птицы и летучей мыши имѣетъ характеръ формы различенія (элементы сходства образовъ блѣднѣютъ, а элементы различія выступаютъ ярче). Въ другихъ случаяхъ формы различенія выражаются нѣсколькими сужденіями, при чемъ элементы различія обозначаются отдѣльными словами; напр.: вода жидка, а ледъ твердъ, и т. п.

Здѣсь нѣтъ надобности входить въ ближайшее разсмотрѣніе различныхъ видовъ сужденія, и вообще различныхъ типовъ познавательныхъ формъ.

¹⁾ Изъ предыдущаго достаточно очевидна неосновательность того воззрѣнія, что понятіе есть предметъ только логики и теоріи познанія, а не психологіи. Съ исторической точки зрѣнія перегородки между этими науками получаютъ весьма ограниченное значеніе. Понятіе есть предметъ психологіи, а болѣе частнымъ образомъ—общественной психологіи.

Достаточно указать, что изъ сужденій составляются формы еще болѣе сложныя, напр., цѣлыя теоріи. Наконецъ, вся область познанія можетъ быть выдѣлена въ изученіи, какъ особая социальная форма.

Всѣ познавательныя формы, возникая первоначально путемъ пластички, стремятся стать привычными. Онѣ тѣмъ легче принимаютъ такой характеръ, чѣмъ менѣе сложны. Поэтому наиболѣе простыя изъ нихъ, понятія, какими они являются въ отдѣльной психикѣ, и были нами отмѣчены, какъ формы по преимуществу привычныя. Сужденія уже въ массѣ случаевъ образуются пластически. Живая разговорная рѣчь, представляя съ внѣшней стороны непрерывную пластику выражающихъ реакцій, въ совокупности психическихъ явленій должна рассматриваться, какъ познавательная пластика: это наиболѣе простая и непосредственная ея форма.

Мы не касались пока другихъ познавательныхъ формъ, тѣхъ, которыя соответствуютъ мимическимъ реакціямъ и дѣятельности въ сферѣ искусства. Но на нихъ и нѣтъ надобности останавливаться. Онѣ обладаютъ обыкновенно меньшей опредѣленностью, чѣмъ понятія и ихъ производныя, по существу же отъ нихъ не отличаются. Выразить свирѣпость мимикой лица или грозными словами, дать согласіе кивкомъ головы или словомъ „да“, нарисовать предметъ на картинѣ или описать его словами—все это явленія одного порядка, а детали для насъ пока не важны.

б) Біологическое значеніе познавательныхъ формъ.

Относится ли познаніе къ числу приспособленій? Съ исторической точки зрѣнія, очевидно—да: всякая форма жизни есть приспособленіе, что примѣнимо и къ жизни познавательной. Такая точка зрѣнія, неизбежно вытекающая изъ основного метода современной біологіи, уже усвоена многими философскими авторитетами, а потому мало нуждается въ спеціальной защитѣ. Однако, еще далеко не исчезли и противоположные взгляды: еще многіе склонны рассматривать „благородныя“ идеологическія функціи жизни человѣка, какъ не подчиненныя тому общему закону происхожденія и развитія, которому подчинена „низменная“ матеріальная сторона жизни. Итакъ, мы все-же нѣсколько остановимся на вопросѣ о реальномъ значеніи познанія.

По отношенію къ самымъ частнымъ, наименѣе отвлеченнымъ формамъ познанія характеръ приспособленія выступаетъ до очевидности ясно. Трудно сомнѣваться, что, напр., понятіе „волка“ первоначально представ-

ляетъ изъ себя приспособленіе общественной борьбы за жизнь, именно — для борьбы съ волками: въ отдѣльной особи оно является связующей психической формой, при помощи которой соединяются въ ассоціацію многочисленные полезныя реакціи — воспріятія волка и борьбы съ нимъ; въ совокупности же особей оно служитъ средствомъ объединить и согласовать реакціи особей. Беремъ такой случай: мальчишка пастухъ видитъ волка и кричитъ: „волкъ, волкъ!“ — охотники хватаютъ оружіе и бѣгутъ на помощь. Здѣсь понятіе выступаетъ какъ центральный, организующій моментъ даннаго частнаго процесса общественной борьбы съ природой.

Что касается понятій болѣе отвлеченныхъ, то и ихъ роль, какъ приспособленій, выяснить очень нетрудно, если обратить вниманіе на ихъ фактическія функціи: въ психикѣ особи они служатъ центрами для установленія связи между понятіями болѣе частными и конкретными, т. е. для внутренней координаціи, для внутренняго взаимнаго приспособленія психическихъ элементовъ; въ жизни общества они создаютъ связь между опредѣленными циклами понятій у различныхъ особей, т. е. внѣшнюю психическую координацію, взаимную приспособленность элементовъ различныхъ психикъ. То и другое сводится въ конечномъ счетѣ къ гармоническому объединенію индивидуальныхъ дѣйствій въ борьбѣ за жизнь общества.

Наиболѣе общимъ и убѣдительнымъ для даннаго вопроса представляется намъ отрицательный способъ доказательства. Всякая форма познанія, которая оказалась бы общественно-вредной, должна быть устранена дѣйствіемъ подбора; общественно-безполезная также устраняется, ибо она вредна уже фактомъ своего существованія (затраты энергіи на ея поддержаніе). Сохраняются только общественно-полезныя формы познанія, т. е. тѣ, которыя являются формами приспособленія.

Остается еще одна эклектическая уловка. Признаютъ, что каждая конкретная форма познанія есть приспособленіе, но познавательная способность, заложенная въ психикѣ, уже не есть приспособленіе, а нѣчто совсѣмъ особое. Нетрудно видѣть, что здѣсь дѣло сводится къ своеобразному фетишизму. Возможность или способность познанія никоимъ образомъ не можетъ существовать внѣ конкретныхъ фактовъ познанія; она и представляетъ изъ себя не что иное, какъ чистую, безсодержательную абстракцію отъ конкретныхъ формъ познанія: если изъ этихъ формъ устранить всѣ ихъ различія, стало быть, все ихъ содержаніе, тогда и получится то, что называютъ способностью познанія вообще. Какъ отдѣльная реальность, она, конечно, не есть приспособленіе, потому что въ такомъ смыслѣ вовсе не существуетъ; какъ простое понятіе, и она есть приспособленіе,

ибо служить къ общественному объединенію полезныхъ познавательныхъ формъ болѣе частнаго характера.

Принявъ, что познаніе есть приспособленіе, мы должны теперь идти дальше и рассмотреть, какого рода это приспособленіе.

Жизненное значеніе познавательнаго процесса всего легче характеризовать при помощи сравненія общества съ индивидуальной психикой. Познаніе играетъ ту же роль въ жизни соціальнаго цѣлаго, какую сознаніе—въ жизни особи.

Роль сознанія въ борьбѣ особи за существованіе сводится къ пластичѣ и координаціи—къ образованію новыхъ психическихъ реакцій на измѣняющіяся сочетанія условій и ко взаимному приспособленію психическихъ реакцій. Новыя и новыя вліянія среды требуютъ пластики новыхъ и новыхъ психическихъ формъ; но каждая изъ нихъ является для организма цѣлесообразнымъ приспособленіемъ только тогда, когда она не подрываетъ жизнеспособности другихъ психическихъ формъ, когда другія также не разрушаютъ ея самой, словомъ, когда она координирована съ другими. Все это всего быстрѣе и непосредственнѣе достигается работой сознанія, организующей дѣятельностью психической системы. Такъ, путемъ психическаго подбора нерѣдко въ теченіе немногихъ секундъ возникаютъ изъ матеріала старыхъ формъ полезныя формы такой сложности, что другими видами подбора онѣ были бы выработаны развѣ только черезъ цѣлый рядъ поколѣній. Формы сознанія составляютъ область психическаго развитія по преимуществу.

Совершенно аналогичное значеніе имѣютъ въ общественной жизни формы познанія. Познаніе есть область общественнаго развитія по преимуществу. Тамъ совершается въ наибольшей мѣрѣ пластика и координація общественныхъ формъ приспособленія въ борьбѣ съ внѣшней природой, съ ея разнообразными, непрерывно измѣняющимися вліяніями.

Чтобы точнѣе уяснить себѣ значеніе познавательной дѣятельности, возьмемъ такое обычное ея проявленіе, какъ изученіе наукъ въ школѣ. Работа ученика есть, очевидно, пластика новыхъ психическихъ формъ, соответствующихъ опредѣленнымъ, общественно-сложившимся формамъ познанія, какія имѣются въ другихъ особяхъ. Пластика эта имѣетъ своимъ назначеніемъ—сдѣлать учащагося пригоднымъ членомъ общества, человѣкомъ, приспособленнымъ къ общественной борьбѣ за жизнь, приспособленнымъ и въ сферѣ отношеній съ внѣшней природой, и въ сферѣ отношеній между людьми.—Точно также изученіе какого-нибудь ремесла, какой-ни-

будь физической работы въ значительной части слагается изъ актовъ познавательной дѣятельности; и здѣсь ихъ значеніе то же, что и тамъ.

Веремъ болѣе специализированную форму познавательной дѣятельности—работу ученаго. Она представляетъ пластику новыхъ общественныхъ приспособленій—новыхъ формъ познанія. Полезность этихъ приспособленій можетъ быть частью непосредственной, частью косвенной. Непосредственная полезность всего очевиднѣе тамъ, гдѣ познавательная работа направлена къ выработкѣ какого-нибудь технического приспособленія (положимъ, вычисленіе необходимаго количества труда и выясненіе наиболѣе выгодныхъ способовъ его приложенія при постройкѣ здания). Работа „чисто теоретическая“ не имѣетъ т а к о г о практическаго значенія; но ея косвенная полезность можетъ быть очень велика, когда она оказывается необходимымъ моментомъ въ дальнѣйшемъ развитіи познанія, полезнаго для техники. Такъ, когда Лейбницъ и Ньютонъ изобрѣтали дифференціальное счисленіе, это была чисто-теоретическая работа; теперь же выработанный ими методъ имѣетъ громадное примѣненіе во всѣхъ техническихъ наукахъ, и безъ него немыслимо въ массѣ случаевъ достигнуть цѣлесообразной организаціи труда при всякихъ инженерныхъ сооруженіяхъ, при производствѣ машинъ, и т. под. Впрочемъ, эти далекія отъ жизни формы познанія не лишены и непосредственной полезности, которую не слѣдуетъ цѣнить слишкомъ низко: именно, устраненіе въ отдѣльныхъ особахъ того чувства противорѣчія, того познавательнаго страданія, которое вызывается непониманіемъ явленій.

Возвратимся еще разъ къ нашему первому примѣру, и рассмотримъ, на какіе основные элементы можно разложить всякій процессъ обученія чловѣка общественно-трудовой дѣятельности, будетъ ли она матеріальнаго, или не матеріальнаго, спеціально техническаго или идеологическаго характера.

Прежде всего, здѣсь имѣется цѣлый рядъ простыхъ подражательныхъ процессовъ. Подражаніе есть основа и простѣйшій методъ всякаго обученія—этого нѣтъ надобности доказывать. Процессы подражательные дополняются а к т а м и п о з н а в а т е л ь н ы м и: вырабатываются понятія, которыя служатъ соединительными звеньями для многихъ реакцій, и тѣхъ, которыя усвоены подражательно, и тѣхъ, которыя изъ нихъ плаستيически произошли ¹⁾.

¹⁾ Въ психическія формы, пріобрѣтенныя обученіемъ, въ своей совокупности обнаруживаются двѣ тенденціи развитія. Съ одной стороны, изъ непрочной, пластичной ассоціаціи они складываются въ прочную, привычную: это процессъ индивидуально-психическій, онъ происходитъ путемъ психическаго подбора и стремится создать гармонію

Такимъ образомъ, подражаніе и познаніе вмѣстѣ составляютъ систему общественной пластики и координаціи формъ общественно-трудовыхъ, формъ производства. Познаніе, какъ намъ уже извѣстно, есть производное отъ подражанія. Точно же отграничить мѣсто того и другого въ ихъ общей системѣ было бы теперь слишкомъ трудно, да и не требуется по обстоятельствамъ. — Пожалуй, можно отмѣтить, что именно для координаціи чело-вѣческихъ дѣйствій значеніе познанія особенно велико: это дѣятельность по преимуществу организуемая въ общественной борьбѣ за жизнь.

Въ процессѣ развитія челоѣчества роль познавательныхъ приспособленій относительно возрастаетъ.

Резюмируемъ основныя мысли этой главы.

1. Форма познанія есть форма общественная, слагающаяся изъ ряда взаимно-соотвѣтственныхъ индивидуально-психическихъ элементовъ въ отдѣльныхъ особяхъ. Каждый такой элементъ состоитъ изъ выражаемаго (формы обобщенія или ассоціаціи такихъ формъ) и формы выраженія (по преимуществу—слово, рѣчь). Простѣйшая форма познанія—понятіе—обыкновенно является привычной формой приспособленія; формы болѣе сложныя являются чаще пластичными.

2. Система познавательныхъ процессовъ лежитъ въ области пластики и координаціи формъ общественного труда, въ той же области, къ которой относятся и болѣе простые психическіе процессы—подражанія.

7. Выработка формъ познанія.

а) Познавательная пластика.

Въ предыдущемъ достаточно говорилось о томъ, какимъ способомъ формы познанія, уже сложившіяся въ однѣхъ особяхъ, передаются другимъ посредствомъ подражанія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, при помощи всевозможныхъ выражающихъ реакцій. Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на другомъ вопросѣ—какимъ образомъ складываются совершенно новыя формы познанія, какимъ образомъ вырабатываются онѣ первоначально въ психикѣ отдѣльныхъ особей, чтобы потомъ стать общественными формами.

Первоначальный, стихійный процессъ выработки формъ познанія въ

между реакціями самой особи. Съ другой стороны, система реакцій особи приспособляется къ жизни общественного развитія особи, онѣ происходятъ подъ контролемъ общественного подбора и стремятся создать гармонію между дѣйствіями различныхъ людей.

существенных своих чертахъ намъ уже извѣстенъ. Мы знаемъ, по какимъ причинамъ сходныя представленія легко ассоціируются между собою въ сознаниі отдѣльныхъ особей, и какимъ образомъ это приводитъ къ пластичѣ формѣ обобщенія; мы знаемъ, что всякій фактъ сознанія, въ томъ числѣ и форма обобщенія, связаны съ опредѣленными чисто-двигательными реакціями, которыя могутъ стать для него формою выраженія. Далѣе, намъ нетрудно вспомнить, что въ силу сходства условій у психически родственныхъ особей, живущихъ въ одной обстановкѣ с х о д н ы я формы обобщенія легко могутъ соединяться со с х о д н ы м и внѣшними движеніями, и что процессъ взаимнаго подражанія особей все въ большей мѣрѣ увеличиваетъ это сходство. Въ такой стихійной пластичѣ формъ познанія общественное ихъ происхожденіе выступаетъ съ полной очевидностью.

Не такъ велика его очевидность въ тѣхъ случаяхъ, когда особь сознательно стремится къ сознанію новыхъ познавательныхъ формъ, когда она индивидуально выполняетъ процессъ „ислѣдованія“.

Сознательно стремиться къ чему-нибудь, значить—дѣлать это „что-нибудь“ своею цѣлью. Въ предыдущемъ выяснилось, что такое цѣль, и какъ она возникаетъ: въ конечномъ счетѣ, она есть представленіе, прямо, или косвенно (путемъ пластики) возникшее изъ прежнихъ воспріятій, и сопровождающее психическую работу, въ результатѣ которой является воспріятіе, соответствующее этому представленію. Теперь дѣло идетъ о томъ случаѣ, когда цѣлью дѣлается познаніе, точнѣе—выработка новой формы познанія.

Что познаніе можетъ стать цѣлью, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Положимъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ познавательной пластики не было никакого представленія цѣли. Но каждый такой случай, когда въ результатѣ пластики складывалась новая форма познанія, гармонически объединяющая рядъ фактовъ сознанія, завершался своеобразнымъ чувствомъ умственного удовлетворенія, какъ это всегда наблюдается въ дѣйствительности. Если теперь начинается новый, аналогичный прежнимъ, процессъ познавательной пластики, то въ сознаниі одновременно съ нимъ выступаетъ и представленіе о томъ психическомъ состояніи умственного удовлетворенія, которымъ въ предыдущихъ случаяхъ завершалась пластика. Тогда представленіе это можетъ разсматриваться уже какъ цѣль происходящей психической работы, потому что въ ея результатѣ можетъ получиться состояніе психики, соответствующее этому представленію.

Когда выработка новой формы познанія, или, точнѣе, получаемое отъ нея умственное удовлетвореніе становится для человѣка цѣлью, тогда гово-

рять, что онъ занимается изслѣдованіемъ. Въ дѣйствительности, представленіе такой цѣли обыкновенно вызывается уже начавшейся познавательной работой психики.

Человѣкъ видитъ необычное явленіе—положимъ, шаровидную молнію. Воспріятіе это вызываетъ въ его психикѣ множество привычныхъ представленій, но со всѣми ними оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчіи, что и ощущается въ эмоціи недоумѣнія. Психическій подборъ стремится приспособить новый фактъ сознанія къ прежнимъ—это уже начало познавательной работы. Мы знаемъ, какъ происходитъ такой процессъ приспособленія, какъ новое пластически „подводится“ подъ старыя формы обобщенія. Но когда мы рассматривали эту пластику, то оставляли въ сторонѣ другіе, сопровождающіе ее факты сознанія.

Во-первыхъ, въ этой пластикѣ формы обобщенія и различенія выступаютъ не въ отдѣльности, а вмѣстѣ со своими формами выраженія; стало быть, въ пластикѣ принимаютъ участіе именно формы познанія—понятія, сужденія, и т. д. Когда островитянинъ впервые видитъ кошку, то онъ подводитъ новое воспріятіе подъ старое обобщенное предоставленіе о крысѣ; но это послѣднее выступаетъ въ сознаніи вмѣстѣ съ соответственнымъ словомъ: онъ мысленно называетъ увидѣнное животное „крысой“. Такимъ образомъ новое воспріятіе подводится подъ старое понятіе, и это не просто пластика въ сознаніи, но познавательная пластика.

Во-вторыхъ, познавательная пластика можетъ сопровождаться представленіемъ ея цѣли: тогда она уже можетъ быть названа процессомъ изслѣдованія. Такъ, островитянинъ, стремясь подвести новое воспріятіе подъ старыя понятія, можетъ представлять себѣ то умственное удовлетвореніе, которое связано съ завершеніемъ такой пластики.

Процессу изслѣдованія свойственна еще одна важная черта: дѣятельность вниманія. Участвующія въ пластикѣ воспріятія, представленія, понятія выступаютъ въ сознаніи съ возрастающей интенсивностью благодаря тѣмъ сопровождающимъ мускульнымъ реакціямъ, которыя составляютъ сущность вниманія. Значеніе этого факта сводится, какъ было указано, къ усиленію психического подбора и ускоренію пластики.

Съ этой чертой процесса изслѣдованія весьма родственна другая—исканіе новыхъ воспріятій. Дѣло въ томъ, что пластика бываетъ въ большинствѣ случаевъ тѣмъ успешнѣе, познавательное приспособленіе, создаваемое ею, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ большая сумма представленій въ ней участвуетъ. Въ сущности, уже вниманіе, когда оно направлено на внѣшній міръ, есть исканіе новыхъ воспріятій: разглядывая кошку, островитянинъ полу-

читъ тѣмъ больше частныхъ воспріятій, чѣмъ болѣе внимательно онъ это дѣлаетъ. Если затѣмъ онъ подходитъ къ кошке, ощупываетъ ее, переворачиваетъ съ одной стороны на другую, то все это—прямое продолженіе реакціи вниманія. И та же тенденція подбора, которая привела къ развитію вниманія, должна была содѣйствовать выработкѣ другого аналогичнаго приспособленія—исканія новыхъ воспріятій ¹⁾).

Что касается до типовъ психической пластики въ процессѣ изслѣдованія, то они намъ уже извѣстны: обобщеніе и различеніе. Но рядомъ съ этими процессами идетъ пластика формъ выраженія. Всякая новая форма обобщенія или различенія только въ соединеніи съ опредѣленными выражающими реакціями можетъ, во-первыхъ, прочно фиксироваться въ психикѣ, во-вторыхъ, быть передана другимъ людямъ. Первое зависитъ отъ большей опредѣленности и консерватизма выражающихъ реакцій по сравненію съ тѣми формами обобщенія и различенія, которымъ онѣ соотвѣтствуютъ. Второе основывается на вѣншемъ характерѣ выражающихъ реакцій, на томъ, что онѣ могутъ восприниматься вѣнными чувствами другихъ людей.

Такимъ образомъ въ процессѣ изслѣдованія, во-первыхъ, основнымъ матеріаломъ служатъ общественно выработанныя формы познанія, въ систему которыхъ такъ или иначе вводятся новые факты сознанія; во-вторыхъ, результатомъ являются опять-таки формы познанія, т. е. формы сознанія, обобществленныя при помощи выражающихъ реакцій.—Стало быть, процессъ изслѣдованія, даже тамъ, гдѣ онъ выполняется усліями отдѣльной особи, есть процессъ общественно-трудо вой.

в) Познаніе истинное и ложное.

Какимъ бы способомъ ни были выработаны новыя формы познанія, въ стихійномъ ли процессѣ непроизвольной пластики или въ сознательномъ

¹⁾ Можетъ быть, здѣсь уместны кое-какія соображенія о матеріалѣ, изъ котораго выработались эти приспособленія.

Толчкомъ къ познавательнымъ процессамъ, служить, обыкновенно, какое-нибудь новое, необычное воспріятіе. Какъ всякое новое вліяніе, къ которому психика еще не приспособилась, оно нарушаетъ сложившуюся систему психическаго равновѣсія и вызываетъ этимъ цѣлую массу беспорядочныхъ двигательныхъ реакцій во всѣхъ сферахъ организма (обычная картина эмоцій недоумѣнія, изумленія, тревоги, и т. д.). Именно эти реакціи, подвергаясь подбору, могли бы дать матеріалъ, между прочимъ, для реакцій вниманія и особенно—исканія новыхъ воспріятій.

процессъ изслѣдованія, ихъ дальнѣйшая судьба зависить отъ того, окажутся ли онѣ истинными или ложными.

Термины „истина“ и „ложь“ выражаютъ собою основное понятіе ученія о познаніи. На понятіи этомъ, благодаря сравнительной отсталости самой науки, въ умахъ большинства людей лежитъ до сихъ поръ печать отживающаго, статическаго міровоззрѣнія. Традиціонная, привычная идея объ истинѣ безусловной, надъисторической лишь постепенно, шагъ за шагомъ теряетъ власть надъ умами. Но все-же, если и медленно, то вѣрно смѣняетъ ее представленіе объ относительномъ, исторически преходящемъ характерѣ всякой истины, объ ея зависимости отъ внѣшней среды, объ условности ея различія отъ заблужденій.

Съ исторической точки зрѣнія формы познавательныя выступаютъ, какъ формы приспособленія, формы жизни, подлежащія дѣйствію подбора. Съ этой точки зрѣнія борьба истины съ заблужденіемъ есть просто борьба формъ познанія болѣе жизнеспособныхъ съ менѣе жизнеспособными. Критерій истины—переживаніе въ борьбѣ, положительный подборъ; критерій заблужденія—его гибель, отрицательный подборъ. Ту же мысль выражаютъ, когда говорятъ, что критеріемъ истины является дѣйствительность, исторія.¹⁾

Въ началѣ этой работы было установлено разграниченіе видовъ или, точнѣе, стадій подбора—внѣшняго, внутренняго, психическаго, соціальнаго. Было выяснено, что разграниченіе это оправдывается реальнымъ противорѣчіемъ, которое иногда можно наблюдать между различными стадіями под-

¹⁾ Здѣсь требуется небольшое поясненіе. Обыкновенно говорятъ объ истинныхъ или ложныхъ сужденіяхъ, воззрѣніяхъ, теоріяхъ, и т. д., къ простѣйшимъ же формамъ познанія—понятіямъ—эта мѣрка почти не примѣняется. Между тѣмъ, она и къ нимъ примѣнима.

Дѣло въ томъ, что понятія представляютъ изъ себя привычныя реакціи, выработанныя долгимъ процессомъ подбора, прочныя, устойчивыя. Что касается сужденій теорій, и т. под., то онѣ формы сравнительно пластичныя, менѣе консервативныя. Поэтому понятія, въ общемъ и среднемъ, сравнительно очень жизнеспособны, т. е. обыкновенно истинны, формы же болѣе сложныя часто деградируютъ, т. е. оказываются ложны; къ первымъ критерій истины и заблужденія можетъ примѣняться лишь рѣдко, ко вторымъ его необходимо прилагать на каждомъ шагѣ. Такимъ образомъ и сложилась привычка представлять истину и заблужденіе въ формѣ по меньшей мѣрѣ сужденія.

Можно указать много случаевъ, когда и понятіе должно признаваться „ложнымъ“. Напр., ложнымъ было бы понятіе, объединяющее нѣсколько весьма разнородныхъ представленій, не гармонирующихъ между собою. Логикъ назвали бы такое понятіе неправильно составленнымъ.

бора. Принимая теперь подборъ за критерій истины и заблужденія, мы, очевидно, приходимъ и къ соотвѣтственному разграниченію ряда критеріевъ, конечно, такому же условному и относительному, какъ первое. Разсмотримъ это подробнѣе.

Прежде всего мы возьмемъ какую-нибудь форму познанія — понятіе, сужденіе, доктрину, — и представимъ ее себѣ во-1) только въ предѣлахъ особи, во-2) въ ея отдѣльности отъ другихъ психическихъ фактовъ. Можетъ ли съ этой точки зрѣнія идти рѣчь объ истинѣ или ложности данной формы познанія?

Такъ какъ форма познанія есть сложное цѣлое, состоящее изъ болѣе простыхъ фактовъ сознанія, то и взятая въ отдѣльности она можетъ оказаться неприспособленной, т. е. ложной: именно, возможенъ случай, когда взаимно неприспособлены ея элементы (въ понятіи — представленія, въ сужденіи — понятія, и т. п.). Взаимная же неприспособленность отдѣльныхъ фактовъ сознанія, ихъ взаимное противорѣчіе выражается, какъ мы видѣли, въ особой формѣ страданія, въ познавательномъ страданіи или въ чувствѣ противорѣчія. Такъ, если въ психикѣ выступаетъ сужденіе — „негодяи суть честные люди“, то взаимная неприспособленность соединенныхъ вмѣстѣ понятій проявляется въ довольно интенсивномъ чувствѣ противорѣчія. Это означаетъ отрицательный психическій подборъ, который и устраняетъ данную форму познанія, какъ неприспособленную въ самой себѣ, какъ внутренне противорѣчивую.

Чувство познавательнаго противорѣчія представляетъ одну, отрицательную сторону спеціальнаго познавательнаго подбора. Другую сторону, положительную, представляетъ чувство познавательной гармоніи или умственнаго удовлетворенія.

При взаимномъ соотвѣтствіи элементовъ данной формы познанія, форма эта, взятая въ отдѣльности, можетъ порождать только чувство умственнаго удовлетворенія; тогда невозможно констатировать необходимость ея разрушенія или измѣненія; въ самой себѣ она является тогда истинною.

Но на этомъ нельзя остановиться: базисъ для сужденія о вопросѣ былъ взятъ слишкомъ узкій, сфера подбора была ограничена взаимными отношеніями элементовъ самой формы. Теперь возьмемъ ее въ связи съ различными другими формами познанія, хотя все еще въ предѣлахъ одной психики. Тогда уже данная форма познанія является передъ нами, какъ элементъ болѣе сложнаго сочетанія. Прочія формы познанія играютъ для нея роль вѣншей среды, роль подбирающаго фактора. Если она находится въ соотвѣтствіи съ ними, то сохраняется, жизнеспособна, истинна — по о т н о

шенію къ нимъ. Если она стоитъ въ противорѣчіи съ ними, то она ложна по отношенію къ нимъ, или онѣ ложны по отношенію къ ней. Напр., язычникъ римлянинъ полагаетъ: христіане — злодѣи; но въ то же время въ его сознаніи выступаетъ рядъ сообщенныхъ ему фактовъ доброты и честности христіанъ. Первое сужденіе находится въ противорѣчіи съ остальными; если при этомъ психическій подборъ поведетъ къ его разрушенію или измѣненію, можно сказать, что именно оно оказалось ложнымъ; если оно окажется прочнѣе, а измѣнятся остальные (напр., язычникъ перестанетъ вѣрить тому, что слышалъ о порядочности христіанъ), то ложными явятся эти послѣдніе. (Въ дѣйствительности роль истины достается при этомъ тѣмъ формамъ, которыя имѣютъ болѣе широкую и прочную основу во внѣшней средѣ; но объ этомъ рѣчь еще впереди).

И здѣсь дѣло идетъ пока о томъ же спеціально познавательномъ подборѣ, который проявляется въ чувствѣ противорѣчія или умственного удовлетворенія. — Вся школьная логика представляетъ изъ себя, въ сущности, анализъ различныхъ случаевъ, когда при сочетаніи формъ познанія получается то или другое изъ этихъ чувствъ, то или другое направленіе подбора: первое соответствуетъ нелогичному мышленію, второе логичному. ¹⁾

Сознательная жизнь особи не ограничивается фактами познанія. Кромѣ нихъ, тамъ имѣются еще воспріятія и представленія, не связанные съ опредѣленной, сложившейся формой выраженія, стало быть — не обобществленные, не познавательныя; далѣе, эмоціи, затѣмъ — процессы воли, стрем-

¹⁾ Аксіомы школьной логики очень легко разсмотрѣть и объяснить, съ точки зрѣнія подбора.

Аксіома тождества требуетъ, чтобы понятіе въ процессѣ мышленія оставалось неизмѣннымъ, иначе мышленіе будетъ нелогично. Дѣйствительно, если понятіе успѣваетъ измѣниться во время процесса мышленія, то оно, очевидно, не есть прочное и жизнеспособное понятіе, а потому можетъ оказаться непрочной, нежизнеспособной, т. е. ложной, и та форма познанія, въ которую это понятіе войдетъ, какъ элементъ, и которая получится въ результатъ данной пластики мышленія.

Аксіома противорѣчія говоритъ, въ сущности, только о томъ, что противорѣчіе есть познавательная неприспособленность, что форма противорѣчивая нежизнеспособна (частица не въ соединеніи со связкой выражаетъ какъ разъ чувство противорѣчія, возникающее при сочетаніи двухъ понятій).

Аксіома исключеннаго третьяго ничего не прибавляетъ къ предыдущимъ. Такимъ образомъ логическіе законы представляютъ изъ себя частное выраженіе подбора въ данной области, а не результатъ подбора логичнѣе мыслящихъ особей (какъ полагаетъ Зиммель). Само собой разумѣется, что этотъ послѣдній видъ подбора не исключается; но онъ не создаетъ логическихъ законовъ.

ленія, и т. д. Всѣ эти внѣ-познавательные факты сознанія выступаютъ въ изслѣдованіи, какъ среда для познавательныхъ формъ: они могутъ оказываться къ ней приспособленными или неприспособленными — психическій подборъ рѣшаетъ дѣло. Противорѣчіе формы познанія съ ея непознавательной психической средой ведетъ къ измѣненію или разрушенію этой формы или къ измѣненію этой ея среды, или той и другой вмѣстѣ. Въ однихъ случаяхъ люди не принимаютъ какой-нибудь идеи только потому, что она противорѣчитъ ихъ стремленіямъ, желаніямъ, ожиданіямъ, только потому, что имъ не хочется, чтобы она была истинной. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, форма познанія оказывается настолько истинной, т. е. жизнеспособной, что разрушаются или измѣняются многія другія противорѣчащія ей формы сознанія — побужденія, надежды, и т. под. Все зависитъ отъ того, насколько широки и прочны съ одной стороны тѣ условія, которыя породили и поддерживаютъ данное познавательное приспособленіе, съ другой — тѣ, съ которыми связано существованіе противорѣчащихъ ему психическихъ фактовъ ¹⁾ ²⁾.

Познаніе, какъ было выяснено, отнюдь не есть только приспособленіе организма къ самому себѣ: по своему основному назначенію оно является приспособленіемъ къ условіямъ общественной борьбы за жизнь, стало быть, къ внѣшней средѣ. Поэтому всѣ тѣ формы подбора, которыя разыгрываются въ предѣлахъ отдѣльной психики, не могутъ считаться „критеріями истины“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Ихъ можно назвать критеріями только „субъективной“ истины. Истина „объективная“

¹⁾ Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ форма познанія устраняется психическимъ подборомъ въ силу противорѣчія съ формами непознавательными, когда, напр., человѣкъ не можетъ принять научную теорію потому, что она кажется ему печальной или безнравственной, съ полнымъ правомъ можно говорить о нелогичности данного лица. Школьной логикѣ такое отношеніе къ познанію, безспорно, противорѣчитъ, но въ логикѣ жизни оно до сихъ поръ еще весьма обычное, едва ли не преобладающее явленіе.

²⁾ О дѣйствіи внутренняго внѣ-соціальнаго подбора на формы познанія при нынѣшнемъ состояніи науки можно сказать слишкомъ мало. Оно выражается въ томъ, что, напр., въ силу специальныхъ условій питанія центральнаго нервнаго аппарата данной особи, однѣ изъ ея формъ познанія слабѣютъ или даже исчезаютъ (забываются), другія сохраняются съ особенной устойчивостью. Все это можетъ имѣть немалое значеніе для ученія о познаніи; но въ этой сферѣ пока еще слишкомъ недостаточно установленныхъ фактовъ. Когда разрушеніе формъ познанія происходитъ по этому типу, то самое понятіе „ложнаго“ не примѣняется къ гибнущей формѣ, потому что процессъ ея разрушенія происходитъ внѣ сознанія и незамѣтно для него.

имѣетъ критерій болѣе широкій, чѣмъ внутреннія отношенія особи; этотъ критерій—внѣшняя среда особи.

Психика приспособляется къ своей средѣ, въ конечномъ счетѣ, путемъ двигательныхъ реакцій. Поэтому и форма познанія, существующая въ отдѣльной психикѣ, при посредствѣ двигательныхъ реакцій, вступаетъ въ соотношеніе съ внѣшней средой. Мы знаемъ, что каждый фактъ сознанія, стало быть, и фактъ познавательнаго характера, не есть вполне самостоятельное приспособленіе, а только звено въ цѣпи психическихъ-фізіологическихъ процессовъ, въ цѣпи, которая завершается двигательной реакціей, измѣняющей внѣшнія отношенія организма.

Съ данной формой познанія при данныхъ условіяхъ связаны опредѣленные дѣйствія. Если они представляютъ плохое приспособленіе къ внѣшней средѣ, если приводятъ къ пониженію энергіи психической системы, къ ея страданію, то дѣйствіе отрицательнаго психическаго подбора ослабляетъ и устраняетъ, прежде всего, данныя двигательныя реакціи, а за ними и ту форму познанія, съ которой онѣ связаны (изъ которой онѣ вытекаютъ). Кто полагаетъ, что „все люди добры по природѣ“, и на этомъ основаніи станетъ дружески относиться къ дегенерантамъ и паразитамъ, оказывать имъ помощь и обращаться къ ихъ содѣйствію, тотъ получитъ много неприятностей, и вѣроятно, его образъ дѣйствій, а съ нимъ и мнѣніе измѣнятся.

Такимъ образомъ подборъ формъ познанія со стороны внѣшней среды организма совершается при посредствѣ подбора тѣхъ двигательныхъ реакцій, которыя тѣсно ассоціированы съ данными формами познанія. Это выражали такъ: „критерій истины есть практика; практикой устанавливается человѣкъ истину своего мышленія“.

Подборъ познавательныхъ формъ со стороны внѣшней среды особи совершается по одному изъ двухъ типовъ, которые правильно будетъ назвать „логическимъ“ и „нелогичнымъ“.—Въ первомъ случаѣ дѣятельность, вытекающая изъ данной формы познанія, приводитъ, на почвѣ данныхъ внѣшнихъ условій, къ созданію новой формы познанія, которая стоитъ въ противорѣчій съ первою. Напр., исходя изъ извѣстной гипотезы, ученый предпринимаетъ рядъ изслѣдованій; но эти изслѣдованія приводятъ его къ такимъ обобщеніямъ, которыя несовмѣстимы съ первоначальной гипотезой. Тогда отрицательный подборъ, подрывающій старую форму познанія, происходитъ на почвѣ инстинктивнаго чувства противорѣчія, т. е. какъ подборъ специально-познавательный: это и есть логическій способъ устраненія формъ познанія. Въ другихъ случаяхъ

процессъ дѣятельности, связанный съ данной формой познанія, приводитъ не къ познавательному противорѣчю, а просто къ какому-нибудь другому виду страданія. Напр., ученый полагаетъ, что земля движется, и высказываетъ это; а его за такую ересь сажаютъ въ тюрьму и подвергаютъ пыткамъ. Если эти страданія вызовутъ перемѣну въ его взглядахъ, то передъ нами будетъ „нелогичный“ типъ измѣненія познавательныхъ формъ.

Не лишне здѣсь замѣтить, что дѣйствіе подбора въ обоихъ случаяхъ есть, конечно, лишь тенденція къ разрушенію данной формы познанія; а совершается ли разрушеніе фактически и въ какой степени, — это зависитъ отъ прочности формы и отъ интенсивности вліянія среды, обуславливающаго подборъ.

Однако, анализъ нашъ не можетъ остановиться на томъ, слишкомъ ужъ общемъ, положеніи, что критерій истины есть практика. Формы познанія суть общественныя формы приспособленія; форма познанія, существующая въ отдѣльной психикѣ, есть лишь элементъ общественной формы познанія, которая представляетъ цѣлый комплексъ подобныхъ элементовъ въ различныхъ психикахъ (при чемъ элементы эти взаимно приспособленные находятся въ соотвѣтствіи между собою). Поэтому въ полномъ смыслѣ слова „истинною“ можетъ считаться лишь такая форма познанія, которая общественно сохраняется, которая сохраняется не въ отдѣльной психикѣ, а въ цѣлой системѣ психикъ, связанныхъ сотрудничествомъ.

Такимъ образомъ дается болѣе строгій и опредѣленный критерій истины: это подборъ со стороны общественной среды, общественный подборъ. То, что является истинною индивидуально, можетъ въ то же время не быть истинною соціально, если общественный подборъ оказывается въ противорѣчій съ индивидуально-психическимъ.

Мы уже говорили о томъ, въ какихъ проявленіяхъ выступаетъ общественный подборъ: иногда онъ принимаетъ характеръ грубаго внѣшняго подбора, который устраняетъ формы сознанія вмѣстѣ съ особами — ихъ носителями; обыкновенно, въ наибольшей массѣ случаевъ, онъ отражается въ психикѣ особи въ видѣ психическаго подбора. При этомъ психическій подборъ происходитъ иногда по логическому, иногда по нелогичному типу. Особь высказываетъ какое-нибудь сужденіе; другія особи ее опровергаютъ и убѣждаютъ; такимъ образомъ вліяніе соціальной среды создаетъ въ психикѣ первой особи новую форму познанія, противорѣчащую прежней — т. е. подборъ выступаетъ въ видѣ чувства познавательнаго противорѣчія. Въ другихъ случаяхъ высказанное сужденіе вызываетъ порицаніе и гоненіе

со стороны общества: познавательная форма подрывается не познавательным противорѣчіемъ, а физическими, напр., страданіями.

Но лишь въ меньшей части случаевъ подборъ со стороны социальной среды выступаетъ въ такихъ осязательныхъ и очевидныхъ проявленіяхъ. Гораздо чаще тѣ же по существу („логическія“ и особенно „нелогичныя“) воздѣйствія среды происходятъ въ видѣ незамѣтныхъ, съ трудомъ доступныхъ даже самому тщательному анализу, вліяній, прямо и косвенно подрывающихъ жизнеспособность опредѣленныхъ формъ познанія. Примѣромъ можетъ служить тотъ случай, когда человекъ, попавшій въ культурно-низшую среду, „умственно опускается“ мало-по-малу, незамѣтно для себя и для другихъ.

Новое расширеніе критерія истины вытекаетъ изъ того факта, что само общество есть нѣчто относительное. Въ извѣстныя намъ эпохи общественная среда не едина. Различныя общественныя единицы, напр., классы, ассоціаціи, семьи, и т. под., въ научномъ анализѣ выступаютъ передъ нами то въ борьбѣ съ другими подобными единицами, т. е. какъ отдѣльныя отъ нихъ „общества“, то въ трудовой совмѣстности съ ними, т. е. какъ элементы одного общественного цѣлаго. Истина отдѣльной такой группы можетъ не быть истиной другихъ группъ и цѣлаго: такъ, истина мелкой буржуазіи во многихъ случаяхъ не является истиной ни для буржуазіи крупной, ни для пролетаріата, ни тѣмъ болѣе—для всего общества¹⁾.

Во времени общественная среда измѣняется, и потому съ полнымъ правомъ можно говорить объ относительной истинѣ времени. Напр., взгляды на землю, какъ на неподвижный центръ вселенной, былъ истиной для одного времени, и заблужденіемъ для другого; а въ переходное время онъ былъ и тѣмъ, и другимъ, смотря по тому, какую изъ общественныхъ группъ этого времени мы изслѣдуемъ.

Но какъ же быть съ этой безконечной относительностью критеріевъ истины? Гдѣ выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя при выборѣ истины ставятъ насъ противорѣчіе различныхъ ея критеріевъ? И эта относительность, и эти затрудненія сохраняются только до тѣхъ поръ, пока общество разсматривается, какъ простая совокупность различныхъ жизненныхъ процессовъ—индивидуальныхъ, социальнo-групповыхъ, пока не принимается

¹⁾ Здѣсь я говорю не только о различіи такъ называемыхъ „нравственныхъ“, и т. под., истинъ, условность которыхъ достаточно извѣстна, и для которыхъ самое приѣмленіе термина „истина“ довольно условно. Я говорю также о неодинаковыхъ для различныхъ общественныхъ системъ способахъ познанія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но объ этомъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ.

во вниманіе общая закономѣрность социальнаго развитія, его объединяющая тенденція. Если такая тенденція существуетъ, то она, очевидно, и является послѣднимъ, наиболѣе объективнымъ критеріемъ истины: истинны тѣ формы познанія, которыя сохраняются и развиваются въ ходѣ общественнаго развитія—и въ силу этого развитія; ложны тѣ, которыя общественное развитіе стремится разрушить¹⁾. Истина отличается тѣмъ, что она должна побѣдить—таковъ единственный надежный ея критерій.

Очевидно, что, съ точки зрѣнія этого послѣдняго и высшаго критерія, всякая въ данное время господствующая форма сознанія можетъ являться заблужденіемъ. Очевидно также, что и такая форма познанія, которая въ данное время существуетъ еще только въ отдѣльной психикѣ (напр., въ психикѣ Коперника, Бруно, Спинозы) можетъ быть истинной въ полномъ значеніи этого слова, ибо за нее общественное развитіе, ибо она должна побѣдить²⁾.

Но общественное развитіе—не абсолютный законъ природы, а только эмпирическій фактъ; оно можетъ въ однихъ случаяхъ быть, а въ другихъ не быть. Вопросъ о наличии этого факта рѣшается на полѣ борьбы общества съ природой внѣ-соціальной: если въ этой борьбѣ энергія общественного цѣлаго возрастаетъ, оно развивается; если энергія уменьшается, оно деградируетъ. Надъ подборомъ общественнымъ стоитъ подборъ всеобщій, для котораго само социальное цѣлое—не болѣе какъ частная форма жизни, подобно какой-нибудь амебѣ или водоросли; онъ можетъ сохранить и развить эту форму, онъ можетъ и отбросить ее, какъ негодную. Что есть истина въ этомъ послѣднемъ случаѣ?

Но тогда самый вопросъ объ истинѣ становится неинтереснымъ, потому что вмѣстѣ съ ея объективнымъ критеріемъ—социальнымъ развитіемъ—исчезаетъ и ея жизненное значеніе. На что она нужна, когда она перестаетъ быть выраженіемъ и орудіемъ этого развитія? Она деградируетъ среди общей деградации. Она становится чѣмъ-то субъективнымъ, неустой-

¹⁾ Эта общая формула остается, конечно, применимою и въ томъ случаѣ, если вмѣсто такого широкаго общественнаго цѣлаго, какъ классовое общество, брать болѣе узкія общественныя группы, напр., классы: истина класса есть также истина его развитія. Но вмѣстѣ съ размытіемъ сферы развитія, взятой за основу изслѣдованія, служивается, само собой понятно, и историческое значеніе самаго критерія.

²⁾ Напомню, что и въ самый моментъ своего возникновенія въ отдѣльной психикѣ такая форма познанія общественна и по своему происхожденію—изъ матеріала измѣняющихся, общественно сложившихся формъ познанія, и по формѣ—она становится „формой познанія“ только тогда, когда находитъ себѣ выраженіе въ словѣ, т. е. достигаетъ социальнаго момента своего развитія.

чивымъ, чѣмъ-то въ родѣ декадентскаго „мэона“: каждый элементъ разлагающагося цѣлаго можетъ создать свою истину, которая, однако, не остается истиной, если и этотъ элементъ деградируетъ. Состояніе умовъ въ эпоху упадка древней культуры даетъ типичную картину такого процесса ¹⁾.

Дѣйствительность внѣ - социальная, подборъ надъ-общественный есть высшій судья надъ познаніемъ. Онъ санкціонируетъ истину общественнаго развитія, и дѣлаетъ заблужденіемъ истину общественной деградации.

Итакъ, истина исторична, т. е. относительна. Ибо, не говоря уже объ ея частныхъ, очевидно, условныхъ критеріяхъ съ ихъ взаимными противорѣчіями, относителенъ и историченъ даже ея всеобщій и послѣдній критерій—общественное развитіе.

с) Монистическая тенденція въ познаніи.

Какъ мы видѣли, формы познанія социальны. Каждую изъ нихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ единство и отдѣльность взаимно соотвѣтственныхъ, сходныхъ психическихъ процессовъ опредѣленнаго типа, совершающихся въ различныхъ особахъ одной системы сотрудничества.

Но взаимное соотвѣтствіе элементовъ формы познанія, существующихъ въ отдѣльныхъ психикахъ, всегда относительно, ограничено. Въ дѣйствительности индивидуально-психическія формы различныхъ особей, входящія въ составъ одной формы познанія, не только сходны, но также—въ большей или меньшей степени—различны; онѣ не только гармонизируютъ между собою, но и находятся во взаимномъ противорѣчіи. Конечно, моментъ сходства и гармоніи преобладаетъ—иначе передъ нами не было бы общественной формы; но моментъ различія и противорѣчія играетъ также не малую и необходимую роль въ развитіи этихъ формъ.

Разсматривая основную форму познанія—понятіе, мы нашли, что въ индивидуальной психикѣ она выступаетъ, какъ цѣлое, разлагаемое на три элемента: матеріалъ частныхъ представленій, обобщающая тенденція, которая его объединяетъ, и обобществляющая реакція—слово, которая даетъ

¹⁾ Въ развивающемся обществѣ всегда деградируютъ нѣкоторые его элементы. Если элементы эти въ своей совокупности могутъ разсматриваться, какъ болѣе частное социальное цѣлое (напр., отживающій классъ), то истина такого социального цѣлаго, поскольку оно деградируетъ, субъективна; объективно же—т. е. съ точки зрѣнія развитія—она является заблужденіемъ. Современная мелкая буржуазія обладаетъ немалымъ запасомъ такихъ истинъ въ различныхъ областяхъ жизни: метафизическія философскія понятія, товарно-фетишистическое пониманіе социальной жизни, и т. под.

формъ социальное существованіе. Изъ этихъ трехъ элементовъ наиболѣе тождественнымъ въ отдѣльныхъ психикахъ является послѣдній, наиболѣе различнымъ—первый.

Вопросъ объ индивидуальныхъ различіяхъ и общественномъ развитіи третьяго элемента—формы выраженія—составляетъ предметъ особой науки—исторической и сравнительной филологіи. Остановливаться на этой сторонѣ дѣла намъ здѣсь не приходится ¹⁾, и мы ограничимся самымъ общимъ указаніемъ, которое достаточно понятно изъ предыдущаго.—Въ процессахъ пластики формъ выраженія общественный подборъ пользуется ихъ индивидуальными и групповыми различіями, какъ матеріаломъ для выработки формъ болѣе совершенныхъ; и въ то же время онъ непрерывно стремится устранить эти различія, ибо изъ нихъ возникаетъ взаимная неприспособленность особей: недостатокъ „взаимнаго пониманія“ особей, т. е. взаимнаго соотвѣтствія индивидуально-психическихъ элементовъ формы познанія, нерѣдко ведетъ къ взаимному несоотвѣтствію индивидуальныхъ дѣйствій. Обѣ тенденціи развитія выражающихъ реакцій реально нераздѣльны, развитіе направлено въ одно и то же время и къ наибольшему совершенству формъ выраженія, и къ наибольшему ихъ единству для различныхъ частей социальнаго цѣлаго. Все это, разумѣется, необходимо происходитъ лишь тогда, когда и само социальное цѣлое развивается, и его единство возрастаетъ.

Уже болѣе значительны могутъ быть различія въ обобщающей тенденціи, соотвѣтствующей у различныхъ людей одному и тому же слову. Въ сложномъ, групповомъ или классовомъ, обществѣ различія эти бываютъ особенно велики. И здѣсь также въ результатъ могутъ получаться не только индивидуальные различія дѣйствій, связанныхъ съ даннымъ понятіемъ у различныхъ особей, но также—въ той или иной степени—прямая взаимная неприспособленность дѣйствій, ихъ противорѣчія. Часто какое-нибудь техническое понятіе является весьма неодинаковымъ по своему содержанію у производителей, объединенныхъ сотрудничествомъ, напр., у ученаго инженера—организатора и у неученыхъ исполнителей—рабочихъ; нетрудно себѣ представить, какія неудачи въ процессахъ производства могутъ возникать изъ такой неоднородности. Еще болѣе удобный примѣръ—всевозможныя понятія

¹⁾ Сближеніе сравнительной филологіи съ наукой о познаніи все болѣе прогрессируетъ, и связь ихъ становится все болѣе неразрывною, такъ что недалеко то время, когда станетъ прямо невозможнымъ рѣзкое разграниченіе ихъ между специалистами. Самъ авторъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало филологъ, а потому не берется болѣе детальнымъ образомъ касаться относящихся сюда вопросовъ.

правовыя, нравственныя, понятія о личной и общественной выгодѣ, о свободѣ, порядкѣ, и т. под. Сложившись на почвѣ производственныхъ, классовыхъ различій, понятія эти получаютъ далеко не одинаковое значеніе въ различныхъ общественныхъ группахъ, и на каждомъ шагѣ являются поводомъ къ разнообразнымъ практическимъ противорѣчіямъ.

Что касается до матеріала частныхъ представленій, охватываемыхъ понятіемъ, то онъ всегда болѣе или менѣе значительно различается въ отдѣльныхъ психикахъ: вѣдь именно изъ этихъ различій матеріала возникаютъ и различія въ обобщающей тенденціи. Тѣ и другія всегда, слѣдовательно, встрѣчаются вмѣстѣ. При этомъ въ обобщающей тенденціи необходимо исчезаютъ многія конкретныя различія частныхъ представленій; какъ разъ наиболѣе измѣнчивымъ элементамъ представленій въ обобщеніи нѣтъ мѣста. Такимъ образомъ различія въ матеріалѣ понятій всегда болѣе значительны, чѣмъ различія въ обобщающей тенденціи. Но первыя, сами по себѣ, имѣютъ лишь сравнительно небольшое практическое значеніе: въ жизни наиболѣе важную роль играетъ повторяющееся и общее, а не послѣднія частности. Поэтому общественный подборъ въ гораздо меньшей степени стремится устранить индивидуальныя различія въ матеріалѣ понятія, чѣмъ въ двухъ другихъ его элементахъ.

Вообще же говоря, для общественнаго подбора въ его стремленіи создать однородность индивидуально-психическихъ элементовъ формъ познанія имѣются обыкновенно благоприятныя условія. Формы познанія складываются путемъ подражанія; и мы знаемъ, что за сходными выражающими реакціями съ самаго начала скрывается болѣе или менѣе сходное психическое содержаніе. Вѣдь въ то время, когда особь *B* воспринимаетъ выражающую реакцію особи *A* и подражаетъ ей, обѣ особи находятся по большей части въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, подъ одинаковыми воздѣйствіями среды; стало быть, при первоначально данномъ сходствѣ самыхъ особей и при сходствѣ внѣшнихъ вліяній, возникающія психическія формы въ наибольшей массѣ случаевъ должны оказываться сходными. — А затѣмъ, чѣмъ въ большей мѣрѣ общественный подборъ уже достигъ однородности особей въ сферѣ познанія, тѣмъ въ большей мѣрѣ облегчается дальнѣйшее развитіе въ ту же сторону.

Однако, разнородность особей и ихъ взаимная неприспособленность въ познавательной жизни всегда существуетъ: „взаимное непониманіе“ людей не устраняется вполнѣ ни въ какой, намъ извѣстной общественной формаци; а въ современномъ — классовомъ — обществѣ оно достигаетъ, можетъ быть, наиболѣе значительной степени. Чтобы понять, почему такое взаим-

ное непониманіе людей въ процессѣ развитія можетъ явиться лишь переходнымъ моментомъ, мы рассмотримъ конкретнѣе, какимъ образомъ оно приводитъ къ практическимъ противорѣчіямъ, и какимъ образомъ устраняется вмѣстѣ съ ними.

Иногда такіа противорѣчія выражаются прямо въ нецѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ. Человѣкъ проситъ засвѣтить электрическую лампу — онъ прибѣгаетъ къ помощи спички; техническій организаторъ объясняетъ новымъ работникамъ, что имъ надо дѣлать — они все путаютъ; либеральному буржуа приходится попасть въ среду людей низшаго общественнаго положенія, — и при всемъ желаніи принести имъ пользу, онъ оскорбляетъ ихъ на каждомъ шагѣ, не понимая ихъ психологіи... Иногда противорѣчія выступаютъ въ формѣ собственно познавательныхъ. Человѣку впервые сообщаютъ, что земля движется, или что есть люди, которые живутъ совсѣмъ иначе: сужденія эти, воспроизводясь въ его психикѣ, вызываютъ въ ней интенсивное чувство противорѣчія, недоумѣніе, усилія понять, вообще — познавательное страданіе.

Въ такихъ случаяхъ требуется познавательная пластика, устраненіе познавательныхъ противорѣчій. Оно можетъ происходить или болѣе косвеннымъ путемъ — на почвѣ самой практики, — или непосредственно познавательнымъ путемъ: людей учить понимать другъ друга или „сама жизнь“, или — другіе люди.

Нецѣлесообразныя дѣйствія, возникающія изъ недостатка взаимнаго пониманія, ведутъ прежде всего къ страданіямъ самого дѣйствующаго; тогда въ его психической системѣ происходитъ пластика; вырабатывается цѣлесообразная практическая реакція, а затѣмъ, въ зависимости отъ нея — цѣлесообразная форма познанія. Ребенку говорятъ: огонь жжется; онъ, не понимая, что значитъ „жжется“, и понимая только, что дѣло идетъ объ огнѣ, тянется къ нему рукой; въ результатъ — страданіе, психическій подборъ, пластика; и въ другой разъ слово „жжется“ уже будетъ понято ребенкомъ.¹⁾

Въ другихъ случаяхъ общественная нецѣлесообразность дѣйствій особи вызываетъ страданіе другихъ людей и служитъ толчкомъ къ реакціямъ съ ихъ стороны. Иногда они сами выполняютъ дѣйствія, цѣлесообразныя при-

¹⁾ Конечно, бываютъ, хотя сравнительно рѣдко, и такіе случаи, гдѣ непонимающая особа просто устраняется въ силу своей неприспособленности, а съ ней исчезаетъ и социальное-познавательное противорѣчіе. Человѣку говорятъ: „въ этой бутылкѣ царская водка“; онъ при случаѣ выпиваетъ ее и умираетъ.

данныхъ условіяхъ, и первая особь, усваивая эти дѣйствія путемъ подражанія, затѣмъ приспособляетъ къ нимъ и свои познавательныя формы. Иногда человѣку „объясняютъ“, какія дѣйствія цѣлесообразны. Но это — уже второй, „познавательный“ способъ устраненія соціально-познавательныхъ противорѣчій.

„Объяснять“ человѣку, что онъ долженъ дѣлать, это значитъ, вмѣсто самыхъ дѣйствій, воспроизводить передъ нимъ ассоціированныя съ ними выражающія реакціи: если подобныя же ассоціаціи существуютъ и въ психикѣ лица, которому объясняютъ, то оно можетъ, въ свою очередь, выполнить цѣлесообразныя реакціи; а затѣмъ оно и познавательное приспособится къ новому сочетанію дѣйствій, и тогда въ значительной мѣрѣ устранился его „недостатокъ пониманія“, познавательное противорѣчіе съ другими людьми ¹⁾.

Но общественная пластика, приспособляющая понятія одного къ понятіямъ другого, можетъ происходить также болѣе непосредственнымъ путемъ—въ процессѣ „обмѣна мыслей“ или просто разговора.

Ребенокъ впервые слышитъ слово „животное“. Для него это слово пока ничего не выражаетъ; а какъ непривычная реакція, попавшая въ рядъ привычныхъ, оно вызываетъ въ психикѣ состояніе неприспособленности, противорѣчія, которое и выражается въ вопросѣ: „что это такое?“ ²⁾ У взрослого человѣка, съ которымъ ребенокъ говоритъ, состояніе это—по принципу подражанія—воспроизводится тогда въ сознаніи. Подъ вліяніемъ такой отраженной познавательной неприспособленности, сознаніе не можетъ остановиться на данномъ понятіи и переходитъ къ другимъ — прежде всего, конечно, тѣмъ, которыя ближе всего съ нимъ ассоціированы. Такими явля-

¹⁾ Какъ видимъ, здѣсь слово „объяснять“, въ примѣненіи къ сложному комплексу дѣйствій, означаетъ—сводить этотъ комплексъ, представляющій изъ себя пластичную реакцію, къ его элементамъ-реакціямъ привычнымъ для того, кому объясняютъ. Такое же значеніе имѣетъ слово „объяснять“ и въ сферѣ теоретической: сведеніе пластичныхъ реакцій къ привычнымъ, „сложнаго“ къ „простому“. „Простыми“ люди вообще называютъ привычное для нихъ въ познаніи, то, къ чему познаніе уже приспособилось. Когда „непривычное“ превращается въ привычный рядъ привычныхъ реакцій, или, что то же, когда „сложное“ сводится къ „простому“, оно становится „понятнымъ“, получаетъ свое „объясненіе“: достигается познавательная приспособленность.

²⁾ Психологія вопроса, вообще, сложнѣе, чѣмъ здѣсь представлено: психическая реакція вопроса соединяется, обыкновенно, съ представленіемъ цѣли, съ представленіемъ о томъ, что въ результатъ этой реакціи произойдетъ устраненіе познавательнаго противорѣчія. То же относится къ психологіи отвѣта. Но все же это не измѣняетъ сущности дѣла.

ются, во-1), различные понятія болѣе общія, къ которымъ понятіе „животнаго“ относится, какъ подчиненное болѣе частное, и во-2), болѣе частныя, ему подчиненныя понятія. Беремъ второй случай—переходъ къ подчиненнымъ частнымъ понятіямъ; его формой выраженія является такая, приблизительно, фраза: „животное—это кошка, собака, птичка, козявка, муха, червякъ“...¹⁾ Въ психикѣ ребенка переходъ отъ непривычнаго слова къ привычнымъ понятіямъ вызываетъ чувство умственного удовольствія; а затѣмъ происходитъ пластика одного общаго понятія изъ многихъ частныхъ; понятіе это, приблизительно, уже будетъ соответствовать тому, которое взрослый выразилъ словомъ «животное». Такъ происходитъ въясненіе понятій.

Беремъ другой примѣръ для другого случая—перехода не къ болѣе частнымъ, а къ болѣе общимъ понятіямъ. Экономистъ упоминаетъ о рабочихъ науки, какъ объ участникахъ производства. Непривычное сочетаніе понятій вызываетъ въ слушателей эмоцію недоумѣнія (въ основѣ которой лежитъ чувство познавательнаго противорѣчія); онъ ее выражаетъ, положимъ, вопросомъ: „что же вы называете производствомъ?“ Въ психикѣ экономиста воспроизводится состояніе его собесѣдника, и въ сознаніи возникаетъ тенденція къ смѣшанію даннаго понятія другими, ближайшимъ образомъ съ нимъ ассоціированными. Выступаютъ, положимъ, болѣе общія понятія, которымъ данное понятіе подчиняется въ системѣ познанія: каждое изъ нихъ заключаетъ лишь нѣкоторые элементы обобщающей тенденціи даннаго понятія, лишь нѣкоторые его „черты“. Таковы понятія „общественнаго явленія“ и „труда“. Выражающей реакціей для всего процесса смѣны будетъ, положимъ, фраза: „производство есть общественный трудъ“. Если оба указанныя болѣе общія понятія имѣются въ психикѣ спрашивающаго, и съ такимъ же приблизительно содержаніемъ, какъ у отвѣщающаго, то первый пойметъ второго; соединяя пластически тѣ элементы обобщенія, которые составляютъ содержаніе болѣе общихъ понятій, онъ получитъ болѣе частное понятіе „производства“. Такъ происходитъ процессъ опредѣленія частныхъ понятій черезъ общія.

Въ практической жизни наибольшее значеніе имѣетъ первый изъ двухъ указанныхъ способовъ общественно-познавательной пластики—выясненіе понятія.

¹⁾ Дѣло при этомъ происходитъ такимъ образомъ, какъ-будто на почвѣ временной неприспособленности, чувства противорѣчія, понятіе временно дезорганизуется, разлагается, распадается на болѣе частныя понятія, изъ которыхъ раньше сложилось. Можетъ быть, дѣйствительно таковъ въ своей основѣ механизмъ изображаемаго явленія.

Но и опредѣленіе понятій играетъ немалую роль, особенно въ точныхъ наукахъ. Дѣло въ томъ, что социальная однородность формы познанія, сходство ея элементовъ въ отдѣльныхъ особяхъ можетъ достигаться всего полнѣе въ наиболѣе общихъ, наиболѣе отвлеченныхъ понятіяхъ. Если въ обобщающей тенденціи исчезаетъ обыкновенно извѣстная доля индивидуальныхъ различій обобщаемаго матеріала, то чѣмъ дальше идетъ обобщающая тенденція, тѣмъ сравнительно меньше остается мѣста этимъ индивидуальнымъ варіаціямъ; ибо какъ разъ наиболѣе измѣнчивые, а потому индивидуально наиболѣе различные элементы матеріала понятій наиболѣе подавляются обобщающей тенденціей, наиболѣе ступшеваются въ процессъ обобщенія.

Такимъ образомъ тенденція къ обобщенію оказывается полезна не только для установленія связи между частными формами сознанія каждой особи, но и для устраненія противорѣчія между элементами формъ познанія въ различныхъ особяхъ. Благодаря этому, она находитъ въ общественномъ подборѣ особенно благоприятныя для себя условія.

Еще болѣе важнымъ для развитія обобщающей тенденціи является тотъ фактъ, что обширное, распылчатое, часто хаотичное содержаніе широкаго обобщенія фиксируется съ помощью опредѣленной и консервативной выражающей реакціи. Только неразрывная связь формы обобщенія съ формою рѣчи даетъ первой возможность прочно удерживаться въ психикѣ безъ большихъ растратъ энергій центровъ сознанія. Въ дѣли ассоціативныхъ процессовъ психики (напр., при пластикѣ новыхъ реакцій) сложное и обширное по матеріалу понятіе большей частью просто замѣняется яснымъ представленіемъ соотвѣтственнаго слова, причемъ всѣ остальные элементы понятія едва намѣчаются въ сознаніи. Этимъ экономизируется много энергій и времени. Только въ рѣдкихъ случаяхъ употребленіе вмѣсто понятій ихъ знаковъ оказывается недостаточнымъ: тогда понятіе болѣе или менѣе полно всплываетъ въ сознаніи.

Тѣ же соображенія относятся и къ „формамъ различенія“, которыя представляютъ вторую, производную слагающую монистической тенденціи въ психикѣ. Къ нимъ все это примѣнимо еще въ большей степени, чѣмъ къ формамъ обобщенія, потому что онѣ еще сложнѣе тѣхъ формъ обобщенія, на которыхъ основываются.

Путемъ пластики и общественного подбора наиболѣе цѣлесообразныхъ („истинныхъ“) формъ познанія и ихъ ассоціаций создается система познанія. Такъ, научный законъ представляетъ опредѣленную, консервативную, всегда въ формѣ сужденій выражаемую ассоціацію опредѣленныхъ

формъ обобщенія и различенія. Упрочиться и получить широкое распространение такая сложная форма познанія можетъ лишь въ томъ случаѣ, если она въ достаточной степени общественно-полезна для пластики практическихъ реакцій.

Такимъ образомъ раньше выясненная нами монистическая тенденція психики получаетъ въ обществѣ громадное развитіе, дополняясь другой монистической тенденціей—къ установленію однородности индивидуальныхъ элементовъ каждой общественной формы познанія.

Не знаю, надо ли пояснять, что въ обоихъ случаяхъ слово „монистическій“ употреблено не въ обычномъ философскомъ его значеніи, а въ смыслѣ, вообще, установленія связей и устраненія противорѣчій. Философскій монизмъ представляетъ лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ проявленія монистической тенденціи.

Но уже на примѣрѣ философскаго монизма, который существуетъ въ весьма различныхъ формахъ, видно, что монистическая тенденція можетъ идти въ весьма различныхъ направленіяхъ. Характеристикой для этихъ направленій могутъ служить тѣ послѣдніе обобщенія, къ которымъ данная монистическая тенденція приводитъ, въ которыхъ она завершается, которыми, стало быть, выражаютъ ее въ наиболѣе чистомъ видѣ. Такъ, въ одномъ случаѣ высшимъ обобщеніемъ монистической системы познанія можетъ являться противоположеніе „духа и тѣла“; въ другомъ случаѣ—понятіе „субстанціи“, въ третьемъ—„всеобщій законъ причинности“, и т. д. Въ первомъ примѣрѣ передъ нами „анимистическая“ тенденція, или анимистическій типъ мышленія, во второмъ—„метафизическій“, въ третьемъ „положительный“, и т. д. Въ дѣйствительности различныя монистическія тенденціи или типы мышленія обыкновенно существуютъ одновременно, перемѣшиваясь между собою по извѣстнымъ законамъ, о которыхъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ.

d) Познаніе въ общемъ ряду психическихъ явленій.

Чтобы въ социальномъ познаніи можно было видѣть единую жизненную систему, „форму жизни“, для этого необходимо установить его реальное единство и реальную отдѣльность.

Первое выяснено въ достаточной мѣрѣ: оно выражается въ монистической тенденціи, которая придаетъ познанію характеръ связности въ предѣлахъ отдѣльной техники и однородности въ предѣлахъ общества.

Второй стороны вопроса намъ еще почти не приходилось касаться: она

выражается въ тенденціи, обособляющей познаніе отъ процессовъ не-познавательныхъ. На чемъ же основывается такая тенденція?

Выработка познавательныхъ приспособленій совершается, какъ мы видѣли, частью по логическому, частью по нелогичному типу. Къ первому типу относятся тѣ случаи, когда формы познанія измѣняются или упрощаются въ силу своего противорѣчія или гармоніи съ другими познавательными формами, когда регуляторомъ въ познавательной пластикѣ выступаетъ специально познавательный подборъ; ко второму—тѣ случаи, когда формы познанія подрываются или поддерживаются въ силу ихъ отношенія къ не-познавательнымъ психическимъ процессамъ, когда пластикой непосредственно управляютъ другіе виды подбора. Если человѣкъ „принимаетъ“ новую идею благодаря тому, что она находится въ соотвѣтствіи со всей суммой его знаній, его „опыта“, то передъ нами примѣръ перваго рода; если человѣкъ отвергаетъ идею потому, что она ему „не нравится“, противорѣчитъ его склонностямъ, стремленіямъ, и т. под., то передъ нами примѣръ второго рода. Многіе отрицательно относились къ ученію Коперника, дарвинизму, историческому матеріализму въ силу „этическихъ“ побужденій: это были люди нелогичнаго типа мышленія; другіе совсѣмъ не считались съ ихъ этическими аргументами: это было вполне логично.

Какъ мы знаемъ, и то, что непосредственно является для особи приспособленіемъ, можетъ въ процессѣ общественнаго развитія оказаться неприспособленностью. Именно такимъ характеромъ отличается въ общемъ и среднемъ, нелогичный типъ познавательнаго приспособленія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ создаетъ и разрушаетъ формы познанія безъ отношенія ко всей существующей системѣ познанія, стало быть, обыкновенно, въ противорѣчіи съ нею; если иногда такого противорѣчія не оказывается, то это уже явленіе частное, случайное, — исключеніе, которое не измѣняетъ правила. А такъ какъ существующая система познанія опирается на широкій базисъ общественной практики, то нелогичнымъ способомъ прибрѣтенное познавательное приспособленіе должно, вообще говоря, вступить рано или поздно въ противорѣчіе съ этимъ базисомъ, и стать источникомъ неприспособленности.

Такимъ образомъ, нелогичный типъ приспособленія въ процессѣ общественнаго развитія выступаетъ, какъ типъ весьма несовершенный, и притомъ несовершенный тѣмъ въ большей степени, чѣмъ шире тотъ базисъ общественной практики, на который опирается познаніе. Поскольку этотъ несовершенный типъ конкурируетъ съ болѣе совершеннымъ, постольку онъ

является прямо вреднымъ, и развитіе стремится устранить его. Возникаетъ тенденція къ вытѣсненію „нелогично“ возникающихъ формъ, къ ограниченію познавательной пластики логическими приспособленіями. А такая тенденція можетъ осуществляться лишь путемъ обособленія познавательныхъ процессовъ въ особую систему среди психики, путемъ ихъ отграниченія отъ всего, что не есть познаніе—отъ эмоцій, стремленій, и т. д. При этомъ познаніе противопоставляется другимъ психическимъ процессамъ, какъ дѣятельность „ума“ дѣятельности „чувства“ (аффективной) и „воли“.

Особенно сильно тенденція эта стремится отграничить моменты познавательной пластики отъ моментовъ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ процессы познавательной пластики, такъ и процессы вѣшняго движенія требуютъ относительно наибольшихъ затратъ психической энергіи, поэтому ихъ одновременность представляетъ сочетаніе, наиболѣе неблагоприятное для психической системы, и ея выгоды особенно требуютъ, чтобы моментъ познанія обособлялся отъ момента дѣйствія, чтобы первый кончался тамъ, гдѣ начинается второй, и наоборотъ.

Тенденція, обособляющая познаніе отъ непосредственнаго дѣйствія, придаетъ ему характеръ, выражаемый словомъ теорія, въ противоположность „практикѣ“. Таково это разграниченіе въ его чистой формѣ; вульгарно же ему придаютъ многія другія побочныя значенія.

Тенденціи, обособляющія познаніе среди психики, придаютъ ему извѣстную отдѣльность, и вмѣстѣ съ монистической тенденціей дѣлаютъ познаніе определенной системой жизненныхъ явленій. Отдѣльность познанія среди психики возрастаетъ съ развитіемъ культуры, а въ классовомъ обществѣ встрѣчается въ самыхъ различныхъ степеняхъ.¹⁾ Благодаря ей, познаніе въ такомъ обществѣ можетъ обособиться даже какъ особый видъ производительнаго труда, свойственный опредѣленному классу людей (чистые теоретики-спеціалисты).

Именемъ науки обозначается та область систематизированнаго познанія, которая приобрѣла характеръ установившейся истины, т. е. которая упрочилась благодаря полезности связанныхъ съ нею трудовыхъ дѣйствій. Эта система „положительнаго знанія“.

Наука охватываетъ не всю систему познанія: познавательная пластика въ направленіи монистической тенденціи создаетъ и такія формы познанія,

¹⁾ Такимъ образомъ, существуютъ формы промежуточныя, въ которыхъ познаніе не вполне обособилось отъ эмоцій, отъ стремленій; таково, напр., мистическое мышленіе, суевѣрія, и т. под.

которыя выходят за предѣлы непосредственной социальной практики, не находятъ въ ней прямой опоры, но въ то же время увеличиваютъ связность познавательной системы. Это—такъ назыв. философія, познание гипотетическое.—Нѣтъ надобности отмѣчать, что, въ общественномъ развитіи два вида познанія реально нераздѣльны.

Процессы познавательной пластики могутъ сами становиться матеріаломъ обобщенія и различенія съ выработкой соответственныхъ выражающихъ реакцій, вообще матеріаломъ новой познавательной пластики. Такъ складываются особыя формы познанія, система которыхъ образуетъ познавательный методъ ¹⁾.

Различіе познавательныхъ методовъ ведетъ къ разграниченію системы познанія на отдѣльныя научныя области или просто науки. Конкретнѣе объ этомъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ; а пока вернемся къ познанію въ его цѣломъ.

Познаніе представляетъ опредѣленное звено въ цѣпи общественно-психическихъ процессовъ, моментъ пластики и координаціи формъ общественнаго труда. Развитіе обособляетъ этотъ моментъ, это звено, и даетъ ему значительную самостоятельность. Отсюда рядъ иллюзій относительно того, что познаніе есть нѣчто „совсѣмъ особое“, нѣчто „само по себѣ“, къ чему нельзя приступать съ обычными приѣмами изслѣдованія. Отсюда рядъ запутанныхъ метафизическихъ вопросовъ относительно познанія „адекватнаго“ или „неадекватнаго“, познанія „вещей въ себѣ“, или только ихъ „явленій“. Съ исторической точки зрѣнія, для которой познаніе—только приспособленіе, вопросы эти прямо устраниаются.

Типичная, наиболѣе развитая цѣпь психическихъ процессовъ представляется въ такомъ видѣ: отъ недифференцированныхъ аффективныхъ состояній совершается переходъ къ познанію, отъ него—къ дѣйствію. Человѣкъ не удовлетворенъ дѣйствительностью—это первый моментъ; онъ изучаетъ ее—второй моментъ; онъ измѣняетъ ее—третій. Чѣмъ меньше смѣшиваются эти три момента въ сознаніи, тѣмъ болѣе интенсивна жизнь сознанія, тѣмъ менѣе бесплодно разсѣивается психическая энергія, тѣмъ выше вѣроятность приспособленія.

¹⁾ Научные методы обыкновенно представляютъ довольно сложныя формы пластики. Напр., энергетическимъ методомъ называется такой ея типъ, при которомъ понятіе о данномъ частномъ явленіи стремятся ассоціировать съ понятіями объ опредѣленныхъ предшествующихъ и послѣдующихъ явленіяхъ, — ассоціировать ихъ какъ частныя понятія, подчиненныя болѣе общему—понятію о стадіяхъ одного непрерывнаго, количественно не измѣняющагося процесса.

Конечно, второй моментъ опредѣляется первымъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ изучаетъ именно то, чѣмъ онъ не удовлетворенъ, и въ такомъ направленіи, чтобы выработать форму устраненія этой неудовлетворенности; но если аффектъ будетъ непосредственно мѣшаться въ процессъ познавательной пластики, то хорошаго выйдетъ, вѣроятно, немного. Точно также третій моментъ опредѣляется первыми двумя, ибо дѣйствіе направлено къ устраненію неудовлетворенности, и сообразно съ выработанной формой познанія; но если во время самаго дѣйствія энергія сознанія будетъ тратиться на эмоцію и на размышленіе, то дѣйствіе не можетъ быть энергичнымъ. Всѣ три стадіи могутъ очень тѣсно связываться во времени, онѣ могутъ быть втиснуты въ промежутокъ меньше секунды—и все же онѣ должны быть разграничены, т. е. только при этомъ условіи можетъ получиться максимумъ приспособленности.

Развитіе стремится создать такого человѣка, который въ моментъ познанія весь принадлежалъ бы познанію, и въ моментъ дѣйствія весь отдавался бы дѣйствію.

Резюмируемъ основное содержаніе этой главы.

1. Познавательная пластика частью совершается стихійно, частью соединяется съ сознаніемъ цѣли, т. е. имѣетъ характеръ труда; но въ обоихъ случаяхъ она—процессъ общественный.

2. Всякая сложившаяся форма познанія въ процессахъ подбора выступаетъ, какъ истинная или ложная, т. е. приспособленная или неприспособленная. При этомъ, соотвѣтственно различнымъ видамъ подбора, можно найти цѣлый рядъ различныхъ критеріевъ истины, которые всѣ относительны. Наименѣе относительный и наиболѣе объективный изъ нихъ—это тенденція общественнаго развитія.

3. Систематизація формъ познанія осуществляется путемъ монистической тенденціи, которая стремится устранить противорѣчія и создать гармонію всѣхъ формъ познанія какъ въ предѣлахъ отдѣльной психики, такъ и въ общественной ихъ совокупности.

4. Въ то же время обособляющая тенденція, ограничивая познаніе отъ процессовъ непознавательныхъ, стремится сдѣлать познаніе системою въ значительной мѣрѣ самостоятельною. Моментъ познанія отдѣляется отъ момента „чувства“ и отъ момента „дѣйствія“, благодаря чему достигается наибольшая возможная интенсивность сознанія въ каждый изъ этихъ моментовъ.

До сихъ поръ мы изслѣдовали познаніе при помощи общихъ методовъ биологій, психологій. Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію того спеціальнаго метода, который долженъ обособить ученіе о познаніи, какъ опредѣленную общественную науку.

III. О методѣ исторической теоріи познанія.

I. Мѣсто исторической теоріи познанія въ общемъ рядѣ наукъ.

Единство и отдѣльность различныхъ наукъ устанавливаются на основѣ ихъ метода. Нерѣдко говорятъ о различіи „предмета“ наукъ; но это представляетъ лишь статическую формулировку того же различія методовъ. Ибо, если два различныхъ „предмета“ могутъ изучаться однимъ и тѣмъ же методомъ, то для нихъ нѣтъ необходимости въ отдѣльныхъ наукахъ; и если одинъ „предметъ“ изучается двумя различными методами, то уже тѣмъ самымъ онъ не есть одинъ предметъ для познанія: двѣ формы познанія—два предмета. Одно и то же явленіе А можно изучать и математическимъ методомъ (разсматривая его при изслѣдованіи только какъ измѣняющуюся величину), и энергетическимъ (разсматривая его, какъ процессъ, форма котораго измѣняется вліяніемъ другихъ процессовъ); но тогда оно и выступаетъ, какъ два предмета изслѣдованія: одинъ—предметъ алгебраическаго или геометрическаго анализа, другой—предметъ изученія для общей физики.

Подъ „методомъ науки“ здѣсь понимается вообще свойственная ей закономѣрность изслѣдованія. Такимъ образомъ, напр., всякій установленный законъ есть элементъ метода, поскольку онъ принимается во вниманіе при изслѣдованіи, и всякая предвзятая гипотеза есть элементъ метода, поскольку кладется въ основу изслѣдованія, даетъ для него точку зрѣнія ¹⁾.

¹⁾ Закономѣрность изслѣдованія, называемая методомъ, это, какъ мы видѣли, типъ, общая форма познавательной пластики. И законы науки суть законы изслѣдованія, сложившіяся, постоянныя формы познавательной обработки опредѣленнаго рода представленій.

Когда методъ одной науки повсюду примѣнимъ въ другой, но дополняется въ ней спеціальными приѣмами болѣе частнаго характера, тогда вторая наука можетъ съ полнымъ основаніемъ разсматриваться, какъ частная область первой. Именно въ такомъ отношеніи находится, какъ было указано, историческая теорія познанія къ другимъ наукамъ о жизни.

Итакъ, чтобы установить историческую теорію познанія, какъ отдѣльную для нашего времени науку, слѣдуетъ выяснитъ спеціально ей свойственныя особенности метода; и при этомъ степень обособленія науки, очевидно, опредѣляется степенью своеобразности ея собственныхъ приѣмовъ изслѣдованія.

Намѣчая положеніе исторической теоріи познанія въ ряду наукъ, всего удобнѣе начать съ самаго общаго обзора этого ряда въ его цѣломъ, какимъ онъ представляется при современномъ развитіи научныхъ методовъ, когда методы эти стали историчными.

Надо замѣтить, что во всякой наукѣ историческій методъ—познаніе явленій, какъ „процессовъ“ въ ихъ взаимной связи—выступаетъ лишь на почвѣ достаточно развившагося статическаго метода (изслѣдованіе явленій внѣ ихъ всеобщей связи, явленій, какъ самостоятельныхъ „предметовъ“). И только благодаря историческому методу, со свойственной ему предпосылкой о всеобщей однородности явленій, науки могутъ быть сгруппированы въ такой рядъ, въ которомъ всякая послѣдующая можетъ разсматриваться, какъ болѣе частная по отношенію къ предыдущей; статическому же методу свойственно было проводить слишкомъ рѣзкія границы между науками.

Математику давно уже разсматривали, какъ общій методъ всѣхъ наукъ. Дѣйствительно для историческаго метода всегда обязательно разсматривать явленія, какъ величины (статическій считалъ себя вправѣ останавливаться нерѣдко на „качественныхъ различіяхъ“ явленій, т. е. на такихъ, которыя признаются совершенно недоступными математическому анализу). Наоборотъ, частные методы другихъ наукъ не примѣнимы въ математикѣ, пока она остается сама собою. Итакъ, математика есть наиболѣе общая изъ наукъ о природѣ. Именно въ ней историческій методъ достигъ высшаго, наиболѣе законченнаго развитія (такъ называемая „аналитика“, которая изслѣдуетъ величины, какъ процессы, находящіеся въ необходимой связи, взаимно обусловленные въ своихъ измѣненіяхъ).

Съ математикой все болѣе сближается общая физика, по мѣрѣ того, какъ въ ней все яснѣе выступаетъ стремленіе перейти въ чистую энергетiku. Она изучаетъ явленія природы уже въ меньшей абстрактности, чѣмъ мате-

матема, а именно—какъ превращенія формъ движенія при ихъ взаимодействіи. Сюда же надо отнести теоретическую химию; это—наука о превращеніяхъ „матеріи“, поскольку они не сводятся еще къ превращеніямъ энергіи,—наука, въ извѣстномъ смыслѣ, „остаточная“; ея стремленіе слиться съ энергетикой, хотя и выступаетъ уже весьма ясно, но завершится, вѣроятно, значительно позже, чѣмъ для физики.

Далѣе, слѣдуетъ биологія—наука о формахъ жизни, о формахъ борьбы за существованіе. Методъ биологіи характеризуется принципомъ подбора, который она прибавляетъ къ общимъ методамъ математики и физики. Сущность его заключается въ представленіи о томъ, что переживаніе и гибель возникающихъ формъ жизни совершаются закономерно, въ зависимости отъ ихъ отношенія къ средѣ; отсюда—стремленіе разсматривать всѣ измѣненія формъ жизни, какъ процессы ихъ развитія или деградации, т. е. возрастанія или уменьшенія для нихъ возможности сохраниться въ борьбѣ за существованіе.

Болѣе частной биологической наукой является психологія. Ея объективно е опредѣленіе, какъ мы видѣли таково: это ученіе о двигательныхъ реакціяхъ организмовъ. Специальной особенностью этой биологической области является, какъ мы видѣли, роль психического подбора въ выработкѣ новыхъ приспособленій; поэтому и со стороны метода психологія должна характеризоваться точкой зрѣнія „психического подбора“. А такъ какъ процессы психического подбора двигательныхъ приспособленій совершаются въ сферѣ сознанія, и сами наблюдаются непосредственно въ видѣ „актовъ сознанія“, чѣмъ они и отличаются отъ другихъ процессовъ внутреннего подбора,—то съ принципомъ психического подбора необходимо связывается „методъ самонаблюденія“, который имѣетъ дѣло съ выраженіемъ въ „сферѣ сознанія“ совершающихся измѣненій психики.

Слѣдующимъ звеномъ ряда является далеко еще не сложившаяся, мало разработанная социальная зоологія—наука о психологич. совмѣстной борьбѣ организмовъ за ихъ существованіе. Вѣроятно, ея методологическія особенности будутъ мало отличаться отъ тѣхъ, которыми характеризуется слѣдующая въ ряду, болѣе частная наука—соціологія.

Ученіе объ общественно-трудовой борьбѣ людей за ихъ существованіе имѣетъ своей характеристикой принципъ общественного подбора; именно этотъ принципъ способенъ дать логическую основу для примѣненія такъ называемаго абстрактнаго метода, свойственнаго данной наукѣ. Но объ этомъ болѣе подробно придется говорить въ дальнѣйшемъ.

Одной изъ общественныхъ наукъ является ученіе о познаніи—системѣ

приспособленій для пластики и координаціи общественныхъ формъ борьбы за существованіе. Выясненіе метода этой возникающей науки и будетъ предметомъ послѣдующаго изложенія.

Данная характеристика научныхъ методовъ—я прошу читателя особенно обратить на это вниманіе—не есть общепринятая формально; и тѣмъ не менѣе это—дѣйствительно о б щ а я характеристика. Дѣло вотъ въ чемъ. И теперь найдется не мало біологовъ, которые не хотятъ признавать формулы подбора; однако, изслѣдуя какой-нибудь организмъ, органъ, ткань и т. под., они постоянно вынуждены разсматривать свой объектъ съ точки зрѣнія его мѣста и значенія въ жизненной борьбѣ: въ какихъ отношеніяхъ и въ какой мѣрѣ данная форма устроена цѣлесообразно или нецѣлесообразно, т. е. приспособлена или неприспособлена къ объективнымъ условіямъ своей жизни; а это и есть точка зрѣнія подбора, ибо такое изслѣдованіе было бы невысказимо безъ представленія о законмѣрности сохраненія и гибели формъ. Стало быть, въ этомъ случаѣ принципъ подбора господствуетъ надъ работой біолога не какъ формула, а какъ ф о р м а м ы ш л е н і я, т. е. какъ тенденція познанія.—Точно также психологъ можетъ находить совсѣмъ неудачной формулу психическаго подбора; однако, изслѣдуя мѣсто и значеніе данной психической формы въ общей жизни психики, онъ необходимо стремится выяснить степень соотвѣтствія или несоотвѣтствія этой формы съ внѣшними и внутренними отношеніями психики; а это соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе находитъ свое непосредственное выраженіе именно въ процессахъ психическаго подбора; стало быть, психологъ принужденъ постоянно имѣть ихъ въ виду при историческомъ изслѣдованіи своего предмета, хотя бы самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ этомъ.

Въ развитіи науки всегда приходится наблюдать, что методъ раньше примѣняется, чѣмъ изслѣдуется и формулируется: и, здѣсь, какъ вездѣ, практика идетъ впереди познанія, потому что она даетъ ему матеріалъ, а не наоборотъ. Ученіе о научныхъ методахъ, какъ и вообще ученіе о познаніи—наиболѣе отсталая наука.

Анализъ спеціальныхъ методовъ исторической теоріи познанія можно сдѣлать только по выясненіи нѣкоторыхъ общихъ методологическихъ положеній, относящихся ко всѣмъ наукамъ вообще, и въ особенности къ наукамъ общественнымъ.

2. Дедукція въ различныхъ наукахъ.

Инструкция и дедукція не представляютъ изъ себя отдѣльныхъ научныхъ методовъ, это—два неразрывно связанныхъ между собою момента одного метода. Всякій научный методъ можетъ быть разложенъ—въ абстракціи—такимъ образомъ, что явится въ видѣ опредѣленнаго сочетанія индукціи и дедукціи.

Основное различіе индукціи и дедукціи заключается, собственно, не въ томъ, что первая идетъ отъ частнаго къ общему, а вторая отъ общаго къ частному; оно заключается въ томъ, что въ первой дѣло идетъ о непосредственно-точномъ, о „положительномъ“ познаніи, во второй—о познаніи „гипотетическомъ“, выходящемъ за предѣлы непосредственной наличности фактовъ.

Это значитъ вотъ что. Если изъ 10 однородныхъ наблюденій дѣлаютъ индуктивный выводъ—обобщеніе, то къ чему, собственно, относится этотъ выводъ? Въ своей непосредственной точности онъ относится только къ тѣмъ 10 наблюденіямъ, изъ которыхъ полученъ, и ни къ чему больше. Однако, ему дается такая форма выраженія, въ которой подъ него подводятся всякій случай, однородный съ этими 10-ю. Ясно, что уже здѣсь рядомъ съ „положительнымъ“ моментомъ познанія (выводъ, поскольку онъ простирается на данныя 10 наблюденій) выступаетъ и „гипотетическій“ (тотъ же выводъ, поскольку онъ распространяется на всѣ однородные случаи).

Вообще, „положительный“ или „индуктивный“ моментъ познанія обозначаетъ здѣсь тѣ случаи познавательной пластичности, когда изъ познавательныхъ формъ болѣе частнаго характера образуются новыя формы обобщенія (и различенія); моментъ „гипотетическій“ или „дедуктивный“ — ту пластичность, которая заключается въ „подведеніи“ данныхъ формъ познанія подъ формы болѣе общія, съ которыми первыя раньше не находились въ такого рода связи.

Замѣтимъ, что не можетъ быть никакого вопроса о томъ, который изъ этихъ моментовъ реально является болѣе важнымъ: оба они—только абстракціи отъ единаго процесса познанія. Безъ своего гипотетическаго момента познаніе превратилось бы въ nonsense: обобщеніе 10 пережитыхъ уже случаевъ не имѣетъ никакого смысла, если остается безъ всякаго отношенія къ 11-му 12-му и т. д. однороднымъ случаямъ, которые встрѣятся въ дальнѣйшей практикѣ. А безъ момента „положительнаго“, т. е. непосредствен-

ныхъ обобщеній реального опыта, познаніе, очевидно, не можетъ и возникнуть.

Теперь намъ надо остановиться на „гипотетическомъ“ моментѣ познанія. Въ главѣ о монистической тенденціи сознанія уже была выяснена біо-психологическая основа выражающагося въ немъ стремленія—всякій новый фактъ подводить подъ обобщенія сходныхъ съ нимъ фактовъ пережитыхъ. Но теперь для насъ важно не это, а другое,—именно то, что въ самой формулировкѣ всякаго индуктивнаго вывода заключается, несомнѣнно, гипотеза, и что гипотеза эта представляетъ въ то же время возможность дедукціи (ибо если сложившееся обобщеніе примѣняютъ къ новому частному случаю, то это уже дедукція). Даже болѣе того—если принять во вниманіе общественный характеръ познанія, то здѣсь окажется не одна возможность дедукціи, не одно стремленіе къ ней, а ея фактическое осуществленіе. Если обобщеніе, которое одной особою установлено на данныхъ 10 фактовъ, сообщается другой особи, то въ ея психикѣ оно относится уже къ другимъ однороднымъ фактамъ, къ фактамъ ея личнаго опыта; а это равняется выполненной дедукціи.

Указанная нами элементарная форма дедукціи играетъ громадную роль во всѣхъ наукахъ. Возьмемъ, напр., математическое положеніе „сторона треугольника всегда меньше суммы двухъ другихъ сторонъ“—и рассмотримъ, какимъ способомъ оно возникло. Изъ безчисленнаго множества частныхъ фактовъ сложилось и упрочилось въ общественной жизни обобщеніе такого содержания: между двумя точками существуетъ только одно кратчайшее разстояніе. Это кратчайшее разстояніе называютъ „прямой линіей“; и именно изъ такихъ линій составляется фигура „треугольника“. Но если каждая сторона треугольника есть прямая, т. е. кратчайшее разстояніе между своими крайними точками, то очевидно, что достаточно подвести представленіе о какомъ бы то ни было частномъ треугольникѣ подъ указанное обобщеніе, чтобы получить дедуктивный выводъ, что разстояніе между двумя точками, представляемое одной стороной треугольника, есть кратчайшее, а разстояніе между тѣми же двумя точками, представляемое суммой двухъ другихъ сторонъ, не есть кратчайшее, т. е. больше первой стороны.

Изъ основной формы дедукціи возникаетъ множество производныхъ. Напр., большинство силлогизмовъ сводится къ такой пластинкѣ: понятіе *A* подводится подъ обобщеніе *B*; и если это обобщеніе входитъ въ обобщеніе высшаго порядка *C*, то между *A* и *C* можетъ также установиться прямая ассоціативная связь, какъ между частнымъ и общимъ, связь, выражаемая

предложеніемъ *А* есть *С* (Гай — человѣкъ, человѣкъ — существо смертное; Гай — существо смертное).

Дедукція становится все болѣе и болѣе сложной, если къ одному обобщенію присоединяется другое, третье, четвертое, которыя относятся къ той же области фактовъ, или хотя отчасти ее захватываютъ. При этомъ чаще всего складывается такая форма дедукціи: путемъ сопоставленія данныхъ обобщеній ограничивается та область фактовъ, въ которой всѣ эти обобщенія примѣнимы вполнѣ, и затѣмъ они совмѣстно прилагаются къ этой области фактовъ. Напр.: въ равнобедренномъ треугольникѣ углы при основаніи равны, а въ прямоугольномъ сумма острыхъ угловъ равна прямому. Двѣ сферы фактовъ, охватываемыхъ этими обобщеніями, имѣютъ общую область: прямоугольные равнобедренные треугольники. Къ нимъ примѣнимы оба положенія, т. е. ихъ острые углы равны и въ суммѣ составляютъ прямой; иначе говоря, каждый острый уголъ прямоугольнаго равнобедреннаго треугольника равенъ $\frac{1}{2}$ прямого — выводъ дедуктивный.

Намъ нѣтъ надобности разбирать здѣсь многочисленныя и разнообразныя формы той познавательной пластики, которая называется дедукціей: всѣ онѣ представляютъ лишь болѣе или менѣе сложныя комбинаціи простѣйшихъ дедуктивныхъ процессовъ, какими сопровождается, какъ было выяснено, всякая индукція.

Существенно одно: всякая дедукція гипотетична, когда она даетъ намъ что-нибудь новое, что не было дано въ прямомъ опытѣ, и перестаетъ быть гипотезой лишь тогда, когда выдержитъ повѣрку на фактахъ (всеобщій критерій истины) ¹⁾. И въ то же время дедукція необходимъ, постоянный элементъ всякаго познанія; безъ нея никакое познаніе не было бы истинной, потому что безъ нея оно бесполезно.

Въ различныхъ наукахъ относительное значеніе дедукціи различно, но всегда громадно; напр., вся математика представляетъ сплошную дедукцію

¹⁾ Я подчеркиваю: дедукція гипотетична, когда даетъ что-нибудь новое, что не было дано въ опытѣ. Конечно, если въ силлогизмѣ посылки установлены вполнѣ, то его заключеніе — не гипотеза; но за то въ немъ нѣтъ тогда и ничего новаго. Если вполнѣ установлено, что всѣ люди (и Гай въ томъ числѣ) смертны, то силлогизмъ Гай ничего не прибавляетъ къ тому, что мы знали. Строгая математическая дедукція, конечно, приводитъ не къ гипотезамъ, если не гипотезы — основныя положенія, аксіомы и постулаты; но вѣрность этихъ основныхъ положеній именно тѣмъ и устанавливается, что всѣ ихъ выводы соответствуютъ дѣйствительности. Если бы какой-нибудь выводъ математики не оправдался на опытѣ, то пришлось бы измѣнить основныя положенія (на такой мысли основана, напр., не-Эвклидова геометрія Лобачевского).

изъ немногихъ эмпирическихъ положеній. Для общественныхъ наукъ характерной является опредѣленная форма дедукціи—абстрактный методъ.

3. Абстрактный методъ въ общественныхъ наукахъ.

Когда физикъ хочетъ опредѣлить законъ вліянія одного процесса на другой, то онъ старается устранить въ своемъ опытѣ всякія усложняющія условія, всякія побочныя для его цѣли вліянія; этого онъ достигаетъ различными приспособленіями, нерѣдко — весьма сложными аппаратами. Такими способами физикъ получаетъ рядъ обобщеній относительно того, какъ измѣняются формы при такихъ-то или такихъ-то простѣйшихъ условіяхъ. Комбинируя эти обобщенія, изслѣдователь можетъ создать рядъ дедукцій относительно взаимодѣйствія при болѣе сложныхъ условіяхъ, сразу объединяющихъ условія нѣсколькихъ различныхъ опытовъ.

Въ иномъ положеніи социологъ. Во-первыхъ, ему почти совсѣмъ нельзя дѣлать экспериментовъ, въ которыхъ онъ, какъ физикъ, самъ управлялъ бы выборомъ условій: онъ можетъ дѣлать только наблюденія. Во-вторыхъ, при этихъ наблюденіяхъ ему почти никогда не приходится имѣть дѣла съ условіями достаточно простыми: передъ нимъ жизнь общества во всей ея конкретности, во всей тѣснѣйшей связи ея безчисленныхъ элементовъ. Во всякомъ данномъ наблюденіи налицо имѣется рядъ вліяній изъ самыхъ различныхъ сферъ общественнаго бытія, и вліяній не такихъ ничтожныхъ, чтобы ими можно было пренебречь въ изслѣдованіи. Такимъ образомъ у социолога непосредственныя эмпирическія обобщенія имѣютъ слишкомъ конкретный характеръ, они не представляютъ простыхъ элементовъ, отъ которыхъ можно было бы идти къ болѣе сложнымъ сочетаніямъ. Эти обобщенія не объясняютъ общественной жизни, а только описываютъ ее; ибо объясненіе должно сводить сложное къ простому, а не оставлять его неразложеннымъ ¹⁾.

¹⁾ На этомъ положеніи стоитъ остановиться, хотя это и будетъ небольшимъ уклоненіемъ въ сторону. Необходимость объяснять сложное черезъ простое, а не черезъ сложное вытекаетъ изъ тенденции къ наибольшей возможной производительности затратъ энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ два различныхъ случая, изъ которыхъ въ одномъ психика располагаетъ рядомъ простыхъ реакцій (двигательныхъ или познавательныхъ, это все равно), соответствующихъ опредѣленнымъ простымъ условіямъ, въ другомъ же имѣется рядъ сложныхъ реакцій, соответствующихъ сложнымъ сочетаніямъ условій. Напр., одна психика обладаетъ реакціями $A, B, C, D...$ на вѣщныя вліянія $\alpha, \beta, \gamma, \delta...$, а другая—реакціями $AMN, BRS, ST...$ на вліянія $\alpha\mu\nu, \beta\zeta\eta, \gamma\tau...$. Теперь, пусть возникаетъ необходимость реагировать (въ смыслѣ вѣщнаго

Итакъ, если социологъ желаетъ объяснить общественныя явленія, то онъ непремѣнно долженъ исходить при этомъ изъ положеній, соответствующихъ простѣйшимъ сочетаніямъ условій. Но такихъ простѣйшихъ условій не дано ему въ его личномъ опытѣ, — стало быть, онъ не можетъ прямо получить и подходящихъ обобщеній. Откуда же они могутъ взяться?

Изъ своего жизненнаго опыта социологъ получаетъ запасъ частныхъ обобщеній относительно того, какъ поступаютъ различные люди при такихъ то и такихъ то условіяхъ. Обобщенія эти отличаются весьма конкретнымъ характеромъ, и по сложности тѣхъ условій, къ которымъ относятся, даже далеко не всегда бываютъ отчетливо формулированы. И вотъ они то должны стать базисомъ для дедуктивныхъ выводовъ о томъ, какія формы человѣческихъ дѣйствій соответствуютъ опредѣленнымъ простѣйшимъ условіямъ (которыя, вообще говоря, являются чисто гипотетическими, и выбираются въ зависимости отъ задачъ изслѣдованія).

Но какъ получить такіе выводы? На сцену выступаетъ „абстрактный методъ“ общественныхъ наукъ, тотъ самый методъ, который Смитъ и Рикардо примѣняли въ политической экономіи, Марксъ, кромѣ того, — въ анализѣ фетишистическихъ формъ мышленія. Это — въ высшей степени сложная познавательная пластика.

Пусть въ одномъ случаѣ даны условія A, B, C , при которыхъ процессъ Z протекаетъ опредѣленнымъ образомъ. Въ другомъ случаѣ условія тѣ же, только C выражено въ меньшей степени; при этомъ Z протекаетъ, разумѣется, нѣсколько иначе. Выяснимъ, въ какомъ направленіи измѣняется форма процесса Z , когда значеніе C уменьшается. Напр., форма Z слагалась изъ элементовъ $\alpha, \beta, \gamma, \delta$, и съ уменьшеніемъ C уменьшилось γ . Такимъ образомъ установлена тенденція измѣненія формы Z съ частнымъ устраненіемъ условія C . Представивши эту тенденцію доведенной до ея предѣла (въ данномъ случаѣ — до окончательнаго устраненія γ), получаемъ дедуктивный выводъ о томъ, какъ долженъ протекать процессъ Z при болѣе простыхъ, не наблюдаемыхъ въ опытѣ условіяхъ A, B . Этотъ выводъ вѣренъ, конечно, только въ томъ случаѣ, если тенденція установлена вѣрно; и тогда онъ представляетъ изъ себя пригодную для изслѣдователя абстр-

движенія или познанія) на новое сочетаніе условій, напр. $\alpha\gamma\delta$. Въ какомъ случаѣ легче создается новая пластическая реакція? Въ общемъ и среднемъ, конечно, тогда, когда она слагается прямо изъ простѣйшихъ элементовъ, а не тогда, когда матеріаломъ для нея служатъ готовые сложные сочетанія, въ которыхъ многіе элементы совсѣмъ не подходятъ къ даннымъ условіямъ, и потому при пластикѣ должны быть выдѣлены и устранены психическимъ подборомъ.

акцію. Вмѣстѣ съ другими подобными абстракціями полученный выводъ можетъ затѣмъ послужить матеріаломъ для дальнѣйшихъ абстракцій, соотвѣтствующихъ еще болѣе простымъ условіямъ. Выяснивъ, напр., тенденцію измѣненія, которая соотвѣтствуетъ устраненію *B* изъ даннаго комплекса условій, можно соединить ее съ той, которая получена въ нашемъ первомъ выводѣ, и тогда у насъ будетъ абстрактное положеніе относительно простѣйшихъ условій, которыя сводятся къ одному *A*.

Возьмемъ такой примѣръ. Въ общественной жизни мы наблюдаемъ величайшее разнообразіе психическаго склада отдѣльныхъ личностей и группъ; и точно также различной является роль этихъ личностей и группъ въ системѣ производства. Мы дѣлаемъ эмпирическое обобщеніе, что при очень значительномъ различіи производственной роли людей наблюдается и весьма значительное расхожденіе ихъ психологій, и что наоборотъ—люди и группы, занятые болѣе сходной общественно-трудовой дѣятельностью, обнаруживаютъ меньше несходства въ душевномъ складѣ. Это даетъ намъ возможность притти къ такому выводу: психическая разнородность людей уменьшается вмѣстѣ съ разнородностью ихъ производственной дѣятельности; а представляя себѣ указанную тенденцію доведенной до ея предѣла, получаемъ: психическая однородность людей связана съ ихъ социальнo-производственной однородностью—положеніе абстрактное.

Подобные выводы абстрактнаго метода могутъ затѣмъ дедуктивно примѣняться уже для объясненія различныхъ сложныхъ явленій общественной жизни. При этомъ происходитъ и повѣрка абстракцій, которыя вѣдь являются гипотетичными, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ онѣ абстрактнѣе. Гдѣ законный выводъ дедукціи оказывается въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, тамъ падаютъ и тѣ абстрактныя положенія, на которыхъ дедукція построена.

Въ качествѣ примѣра болѣе сложнаго абстрактнаго изслѣдованія, намъ послужитъ тотъ способъ, по которому исторически-мыслящій экономистъ можетъ прійти къ признанію закона трудовой цѣнности въ обмѣнѣ.

Прежде всего создаются эмпирическія обобщенія, что во-1) при обмѣнѣ либо предложеніе бываетъ больше спроса, либо спросъ больше предложенія, и что во-2) цѣна бываетъ ниже въ первомъ случаѣ, и выше во второмъ. Итакъ, съ относительнымъ возрастаніемъ спроса связана тенденція повышения цѣны, съ относительнымъ возрастаніемъ предложенія—тенденція пониженія цѣны. Въ абстракціи можно представить себѣ обѣ эти тенденціи доведенными до безконечно малой величины; тогда у насъ получится понятіе о цѣнѣ, соотвѣтствующей полному, въ дѣйствительности врядъ ли когда-ни-

будь наблюдаемому равенству условий для продавца и покупателя — понятие о нормальной цѣнѣ. Эта абстракція оправдывается дальнѣйшими наблюдениями: постоянно приходится видѣть, что чѣмъ меньше оказываютъ давленія продавцы на покупателей и обратно, тѣмъ больше цѣны приближаются къ нѣкоторому предѣлу, одинаковому для даннаго товара, мѣста и времени. Итакъ, первый абстрактный выводъ сводится къ слѣдующему: для каждаго товара существуетъ опредѣленная нормальная цѣна, соответствующая тому случаю, когда устранено вліяніе спроса и предложенія; назовемъ эту норму „цѣнностью“.

Далѣе, надо изслѣдовать величину нормальной цѣны при различныхъ условіяхъ. Здѣсь констатируется опредѣленная тенденція измѣненій: цѣнность понижается съ повышеніемъ общественной производительности труда, т. е. съ уменьшеніемъ количества общественнаго труда, употребляемаго на производство товара. Представляя эту тенденцію продолженной до безконечности, находимъ, что для товара, на производство котораго совсѣмъ не тратится общественнаго труда, цѣнность равна нулю. Если эта тенденція есть единственная для цѣнности, то цѣнность образуется только общественнымъ трудомъ, и соответствуетъ его количеству, воплощенному въ товарѣ. — Новая дедукція опять-таки подтверждается — въ извѣстныхъ предѣлахъ — самой жизнью; исходящая изъ нея познавательная и практическая дѣятельность не приводитъ къ сколько-нибудь значительнымъ противорѣчіямъ. А если нѣкоторое противорѣчіе обнаруживается, то изслѣдователь ищетъ другихъ тенденцій, или иной, болѣе точной формулировки данной тенденціи (какъ это и приходится сдѣлать въ нашемъ примѣрѣ).

На основаніи всего изложеннаго, абстрактный методъ можетъ быть характеризованъ слѣдующимъ образомъ: это методъ во-1), дедуктивный, т. е. гипотетическій, и во-2), историческій, ибо онъ изслѣдуетъ общественныя явленія, какъ процессы, и ищетъ тенденціи этихъ процессовъ. Теперь надо выяснитъ, въ какомъ отношеніи онъ находится къ методамъ болѣе общихъ наукъ — психологій, биологій...

Исходная точка абстрактнаго метода — это тенденціи, которыя онъ констатируетъ въ общественныхъ процессахъ. Но тенденціи эти могутъ представлять прочную опору для познанія только въ томъ случаѣ, когда измѣненія ихъ закономѣрны. Какая же это закономерность? Очевидно, она можетъ быть только одна: закономѣрность приспособленія. Ибо общественный процессъ есть процессъ общественнаго приспособленія людей къ внѣшней природѣ и къ собственнымъ взаимнымъ отношеніямъ.

Закономѣрность приспособленія заключается въ принципѣ подбора, по

которому формы неприспособленные уступают мѣсто приспособленнымъ. Итакъ, тенденціи, которыхъ ищетъ абстрактный методъ, суть тенденціи приспособленія, тенденціи подбора общественныхъ формъ.—Пояснимъ это конкретнѣе, пользуясь прежнимъ примѣромъ.

Если бы при перевѣсѣ предложенія надъ спросомъ цѣна не понижалась, то общество оказалось бы неприспособленнымъ: тогда не установилась бы пропорціональность различныхъ частей производства которая, какъ извѣстно, достигается среди анархіи производства, именно при помощи спроса—предложенія; получилась бы громадная, бесполезная растрата общественно-трудовой энергіи. Равнымъ образомъ и отдѣльные товаропроизводители оказались бы неприспособленными къ общимъ условіямъ обмѣна, если бы не пользовались своимъ преимуществомъ при спросѣ на ихъ товаръ, превышающемъ предложеніе.—Стало быть, измѣненія цѣны въ зависимости отъ спроса—предложенія опредѣляются тенденціей общественнаго приспособленія. Точно также пониженіе цѣны при возрастаніи производительности труда есть тенденція общественнаго приспособленія; тѣ элементы общества, на психикѣ которыхъ она не отразилась бы, оказались бы неприспособленными.

Итакъ, сущность абстрактнаго метода составляетъ выясненіе тенденцій подбора общественныхъ формъ въ борьбѣ общества за его существованіе.—Если припомнить, что въ предыдущемъ было установлено разграниченіе подбора всеобщаго—внѣ-соціального, внутренняго подбора отдѣльныхъ организмовъ, индивидуально-психическаго и общественнаго, то является вопросъ, о какомъ именно подборѣ идетъ дѣло въ данномъ случаѣ. Очевидно, тенденціи подбора индивидуальнаго—внутренняго или психическаго—не могутъ сами по себѣ опредѣлять процессы приспособленія общественнаго. Стало быть, дѣло сводится къ подбору внѣ-соціальному, объектомъ котораго является общество, какъ особая и единая форма жизни, и къ подбору общественному—подбору элементовъ этой формы въ приспособленіи къ ея цѣлому. При этомъ поскольку передъ нами общество развѣивающееся, успѣшно приспособляющееся къ внѣшней природѣ, поскольку роль внѣ-соціального подбора сводится всецѣло къ сохраненію общественнаго цѣлаго,—постольку изслѣдованіе должно сосредоточиваться на процессахъ специально-общественнаго подбора, и къ этимъ послѣднимъ сводится содержаніе соціологическихъ абстракцій.

Примѣненіе абстрактнаго метода въ общественныхъ наукахъ, какъ видимъ, логически связано съ принципомъ подбора вообще, общественнаго подбора въ частности. Это, конечно, отнюдь не означаетъ, чтобы каждый изслѣдователь, оперирующий даннымъ методомъ, именно такъ и понималъ